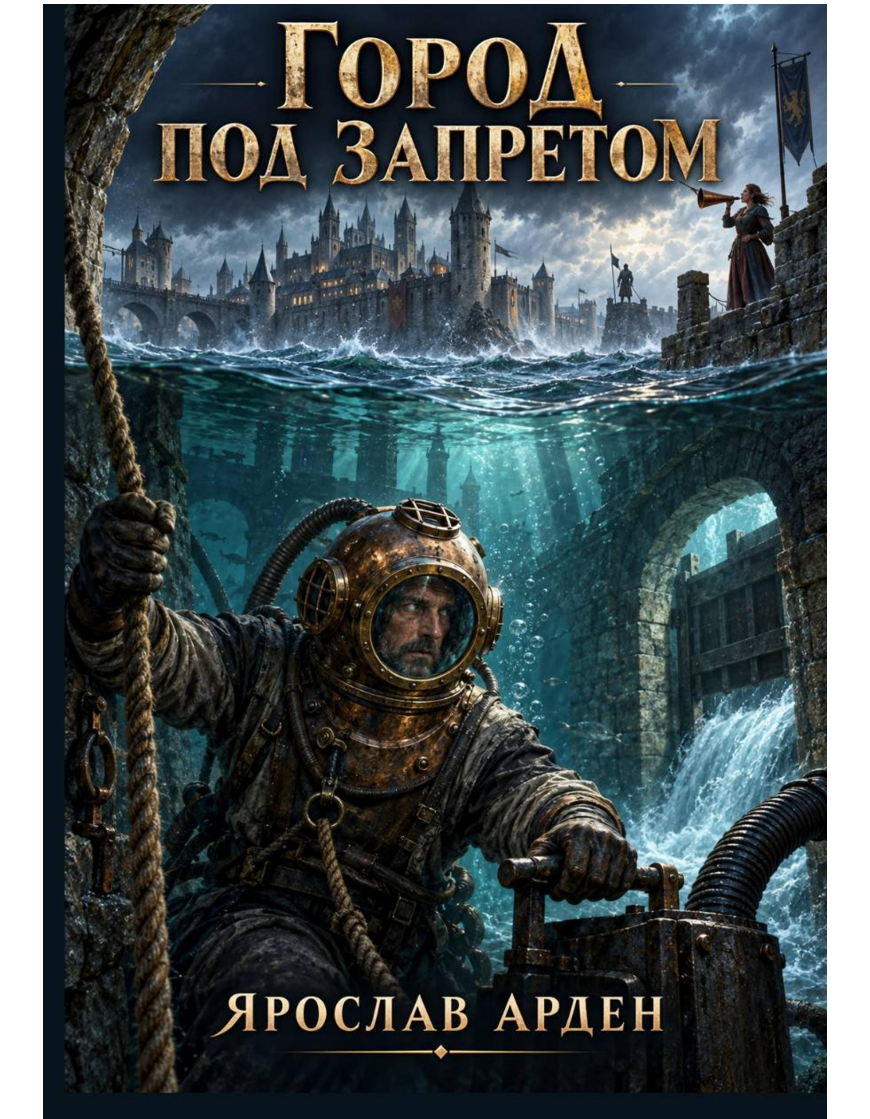

ГОРОД ПОД ЗАПРЕТОМ

ЯРОСЛАВ АРДЕН

Ярослав Арден

Город под запретом

<https://litres.ru/74608133>

SelfPub; 2026

Аннотация

Спасатель-водолаз Егор Лаврин приходит в себя в затопленном ходе под чужой рекой. Над ним — осаждённый Зареч, город, который ещё сам выбирает себе законы. Но княжеский полководец уже приготовил победу, за которую заплатят мирные жители.

Запретные камни могут вытолкнуть воду из подземелий, но каждый вздох войска станет нехваткой воздуха в чьём-то доме. У Егора нет магии. Есть верёвка, ручной насос, люди, которым он учится доверять, и двенадцать дней до паводка. Чтобы спасти Зареч, ему придётся закрыть единственную дорогу домой и доказать, что город нельзя спасти, лишив его свободы.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Вода над головой	5
Глава 2. Комната без воздуха	23
Глава 3. Право на отказ	39
Глава 4. Верёвка в темноте	57
Глава 5. Девять меловых имён	72
Глава 6. Колокол из бочки	89
Глава 7. Первая нехватка	105
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Ярослав Арден

Город под запретом

От автора

Мы привыкли считать спасателем того, кто идёт туда, откуда другие бегут. Но иногда самый важный поступок спасателя — остановиться у края и сказать: без верёвки, без воздуха, без того, кто удержит конец, я не пойду.

«Город под запретом» — роман о том, что жизнь нельзя отдавать в расход даже ради победы, а город нельзя спасти, отняв у него право решать. Здесь магия может вытолкнуть воду из каменного хода, но не может создать воздух из ничего. За каждый чужой вдох кто-то должен заплатить своим.

Эта история не учит водолажным работам. Она показывает людей, которые научились делить не только риск, но и право остановить опасную работу. И ещё — простую вещь: воздух в доме важнее любой печати на двери.

Глава 1. Вода над головой

Егор пришёл в себя оттого, что вода ударила его в лицо.

Не плеснула — именно ударила: холодная, тяжёлая, пахнущая тиной и старым камнем. Он дёрнул головой, вдохнул через нос и захлебнулся. Ладони сами нашли опору. Под правой оказался скользкий уступ, под левой — пустота. Егор подтянул подбородок выше и только тогда понял, что дышит из кармана под низким сводом. Между водой и камнем осталось ладони две, не больше.

Темнота была такой, что открытые глаза ничего не меняли.

Он выплюнул воду, прижался затылком к своду и заставил себя не делать второго жадного вдоха. Сначала выдох. Потом короткий вдох ртом. Ещё один. Воздух затхлый, но пока пригодный. Голова гудела. В ушах стоял тонкий металлический звон, будто где-то рядом продолжал работать неисправный насос.

— Смена, ответьте, — сказал он.

Голос вернулся к нему сразу с нескольких сторон. Каменная камера была теснее, чем казалась.

Никто не ответил.

Егор провёл ладонью по лицу. Маски не было. Каски тоже. На нём оставалась мокрая футболка, штаны с карманами и один ботинок. Правое плечо ныло, но рука двигалась. Крови

на пальцах он не почувствовал. Это ещё ничего не значило.

Последнее, что он помнил, — жёлтый свет в коллекторе, чёрную воду под настилом и красную полосу на манометре переносной станции. Начальник участка Рябов кричал с берега, что за бетонной перегородкой могут быть двое рабочих. Егор отвечал, что без второго страхующего и резервного баллона никого туда не поведёт. Рябов схватил его за нагрудный ремень. Потом в глубине грохнуло, настил ушёл из-под ног, а страховочный конец натянулся поперёк груди.

Здесь на груди не было ни ремня, ни конца.

— Есть кто живой? Один удар по камню!

Он стукнул костяшками по своду.

Сначала слышал лишь плеск. Потом далеко справа кто-то кашлянул.

Егор повернул голову.

— Не кричи. Дыши спокойно. Ты меня слышишь?

Кашель повторился. Следом донёсся хриплый мужской голос:

— Слышу.

— Ты один?

— Ина здесь. Она... молчит.

— Как тебя зовут?

— Кир.

— Кир, не ныряй ко мне. Сначала проверь Ину. Держи ей рот и нос над водой. Она дышит?

С той стороны зашуршали одежда и вода. Мужчина засто-

нал от усилия. Егор считал про себя, чтобы не торопить его. На восьми Кир ответил:

— Дышит. Плохо.

— Плохо — это редко или шумно?

— Редко. Но дышит.

— Хорошо. Слушай меня. Под вами есть дно?

— Ногой не достаю.

Егор осторожно опустил свой единственный ботинок. Колено, бедро, пояс ушли под воду — дна не было. Нашупанный уступ оказался выступом в кладке. Если силы уйдут, один человек ещё сможет держаться за него. Трое — нет.

— Рукой стену чувствуешь?

— Да.

— Иди вдоль неё влево. Не отпускай Ину. Двигайся боком, без рывков. Я говорю — ты отвечаешь.

— Ты кто такой?

— Сейчас тот, кто считает воздух. Пошёл.

Егор сам двинулся навстречу голосу. Пальцы шли по кладке. Камни были неровные, швы широкие, кое-где из них торчали корни. Никакого бетонного коллектора. Никаких кабелей, металлических скоб, труб. Под водой его колено ударилось о деревянный брус.

Кир выругался незнакомым словом, но смысл был ясным.

— Что случилось?

— Она выскользнула.

— Не хватай за руки. Подведи предплечье ей под подбо-

родок. Затылок положи себе на плечо. Так сможешь грести свободной рукой.

— Я не умею.

— Уже умеешь. Делай.

Плеск стал резче. Егор остановился. В замкнутой камере не было течения, но поверхность воды медленно поднималась и опускалась, словно вся полость дышала вместе с рекой. При каждом подъёме свод касался его волос.

Пальцы наткнулись на верёвку.

Она тянулась из воды вдоль стены, шершавая, набухшая, толщиной с большой палец. Егор сжал её и ощутил знакомое спокойствие, которое всегда приходило, когда хаос вдруг обретал направление. Конец был старого плетения, без сердечника, но держал вес. Он потянул один раз. Верёвка ушла вниз, зацепилась, потом отозвалась глухим скрежетом.

— Кир, у стены есть верёвка. Ищи выше воды, примерно на ладонь.

— Нашёл.

— Не тяни. Только держись. Между нами сколько шагов?

— Не вижу.

— Тогда говори без остановки.

Кир заговорил — сначала бессвязно, потом чуть ровнее. Они спустились в старую водяную галерею перед рассветом. Полководец велел найти решётку, которую можно открыть со стороны города. Ина шла первой, потому что была легче и лучше чувствовала узлы. Кир нёс кожаный мешок с возду-

хом. Камень в медной клетке должен был держать воду ниже подбородка, но внезапно потух. Разведчик по имени Стож остался дальше по ходу. Кир услышал его крик, затем удар, потом вода сбила всех троих.

Егор слушал и не пытался пока понять слова про камень. У испуганного человека описание всегда смешивает факты с тем, во что он верит. Важнее другое: трое вошли сюда по верёвке, один не вернулся, а значит, где-то есть выход.

— Мешок с воздухом при тебе?

— Унесло.

— Свет?

— Огниво отсырело. У Ины был светник, но его разбило.

— Решётка далеко?

— Мы не дошли.

Егор коснулся ногой бруса ещё раз. Тот шевельнулся и всплыл одним концом. Не перекрытие — обломок двери или настила. Вода прибывала. Медленно, но верно. Воздушный карман мог исчезнуть через десять минут, мог через час. Проверять не хотелось.

Наконец его вытянутая рука задела мокрые волосы. Кир отшатнулся так резко, что Ина снова ушла лицом в воду.

— Стой. Это я. Подведи её сюда.

Егор нащупал женское плечо, ворот грубой куртки, холодную щёку. Пульс на шее был слабым, ровным. Ина дышала сама, но в сознание не приходила. На затылке пальцы нашли липкую припухлость.

— Ударилась головой. Не трясى её. Здесь уступ. Посади её спиной к стене и придерживай подбородок.

Кир подчинился. Теперь они дышали рядом, и воздух сразу показался хуже. Егор ощутил не запах, а собственное желание вдохнуть глубже. Плохой признак. Возможно, углекислого газа под сводом уже накопилось много.

— Вы входили против течения или по течению?

— По Ольме. От нижней мельницы.

— Вода вас сюда несла в какую сторону?

— Не знаю. Меня крутило.

Егор взял верёвку обеими руками. Одна сторона уходила в глубину, другая — в темноту над водой. Он выбрал слаби́ну, обернул конец вокруг запястья один раз, но не затянул. Намертво к себе в воде ничего не крепят: то, что кажется спасением, через минуту может утянуть.

— Я проверю ход. Кир, ты остаёшься с Иной.

— Нет.

— Это не просьба.

— Стож тоже сказал ждать. Потом закричал.

Егор помолчал. За резким ответом слышался не спор, а вина.

— Тогда договоримся. Я делаю один нырок по верёвке. Досчитаешь до тридцати — тянешь два раза. Я отвечу двумя. Если ответа нет, не лезешь за мной. Понял?

— А что делать?

— Беречь Ину и воздух. Выход может быть в другую сто-

рону.

— Я не брошу тебя.

— Ты меня ещё даже не знаешь. Не делай из страха клятву. Просто выполни то, что сейчас нужно.

Кир шумно втянул воздух, но согласился.

Егор пощупал пояс. Ножа не было. Карманы оказались пустыми, кроме маленького пластикового свистка на коротком шнуре — часть его рабочей куртки каким-то образом осталась с ним. Свисток под водой не поможет, но шнур можно использовать как метку.

Он набрал воздух не до боли в груди, а примерно на три четверти, опустил лицо в воду и пошёл вниз по верёвке.

Холод сжал виски. Егор открыл глаза. Вокруг была зеленоватая чернота; слабое свечение шло откуда-то из глубины, едва заметное, как отблеск аварийной лампы за двумя поворотами. Верёвка лежала на каменных ступенях, которые уходили под наклонный свод. Значит, раньше этот проход был сухим.

Он двигался руками, не отпуская конца. Три перехвата. Четыре. На пятом пальцы коснулись чужой кисти.

Тело застряло между ступенью и упавшей створкой. Мужчина лежал лицом вниз. Верёвка была обмотана вокруг его предплечья и дальше тянулась в проход. Егор нащупал шею, хотя уже понимал: кожа слишком холодная, рука неподвижна. Проверить как следует без выхода на воздух было невозможно.

Сверху пришли два рывка.

Тридцать.

Егор ответил и двинулся дальше. Ещё два перехвата, и свод опустился так низко, что пришлось протискиваться плечом. Куртка погибшего зацепилась за деревянный шип. Сам человек пройти уже не мог, а Егор мог, если не потратит остаток воздуха на попытку вытащить тело.

Он ненавидел этот выбор, хотя делал его не впервые.

Сначала живые.

За створкой верёвка поднималась. Егор потянулся следом, ударился макушкой о камень, сместился вправо и вдруг вынырнул в другой полости. Здесь над водой было почти полметра. Воздух пах дымом.

Он сделал один осторожный вдох. Потом второй. Где-то впереди мерцала узкая серая полоска. Не светильник — дневной свет.

— Есть выход! — крикнул он.

Ответа из первой камеры не было. Камень съел звук.

Егор ощупал проход. От полости вверх шла лестница, но три нижние ступени обрушились. У серой щели стояла железная решётка. Прутья толстые, ржавые, расстояние между ними — меньше головы. Запор находился с другой стороны.

Он прижал лицо к решётке. За ней журчала вода, слышались глухие голоса и скрип дерева.

— Эй! — крикнул Егор. — Здесь люди!

Голоса стихли.

— Живые люди! Нужен лом или топор!

Снаружи кто-то быстро произнёс фразу, половину слов Егор не разобрал. Другой голос, женский, ответил отчётливо:

— Назови себя.

— Егор Лаврин. Спасатель. Со мной двое живых и один без признаков жизни. Вода прибывает.

— От чьего десятка?

— Ни от чьего. Открывайте решётку.

За прутьями зашептались. Потом женщина спросила:

— Где разведчики Кроя?

— Если это Кир и Ина, они в воздушном кармане. Третий застрял в затопленном проходе. Мне нужен свет, верёвка и двое людей на вытяжку.

— Нырятьщик, отойди от решётки.

Егор успел присесть. В прутья снаружи ударило бревно. Железо вздрогнуло, с кладки посыпалась крошка. Второй удар вывернул нижнюю скобу, третий согнул решётку внутрь. В щель просунулась рука с коротким багром.

— Зацепи верх, — сказал Егор. — Не рвите середину, вы свод посадите. Верхнюю петлю сначала.

— Он ещё и командует, — пробормотал мужской голос.

— Если свод сядет, командовать будет вода.

Женщина повторила его приказ. Багор переместился. Несколько людей налегли снаружи, верхняя петля вышла из размокшего камня, и решётка легла на ступени.

За ней оказался низкий подвал с открытым люком в потолке. Через люк падал серый утренний свет. На площадке стояли шестеро: трое с баграми, седой мужчина с топором, женщина в длинной кожаной куртке и мальчишка, державший фонарь с мутным жёлтым стеклом. Женщина была суха только до колен. Медная трубка висела у неё на ремне рядом с дощечками для письма.

Все смотрели на Егора так, будто из воды поднялся мертвец.

Он посмотрел на себя. Футболка с отражающей полосой, рабочие штаны, один современный ботинок. На запястье часы с треснувшим стеклом. Стрелки стояли на четырёх семнадцати. Ниже, в воде, плавал обломок доски, на котором были вырезаны незнакомые угловатые знаки.

Не коллектор. Не его город.

Мысль пришла целиком, но Егор отложил её. Она не могла вытащить Ину.

— Кто из вас умеет работать на конце? — спросил он.

Люди переглянулись.

— На верёвке, — пояснил Егор. — Не отпускать, не выбирать без команды, считать рывки.

Седой поднял руку.

— Лодки вожу. Конец держать умею.

— Хорошо. Как зовут?

— Сава.

— Сава, найдите длинную верёвку и привяжите к этой бе-

седочным узлом... Нет, покажу. Нужна петля, которая не затянется на груди. Ещё одеяло, доска длиной с человека и сухая одежда. Быстро.

— Ты сначала скажи, откуда взялся, — потребовал парень с багром.

Женщина в кожаной куртке повернулась к нему.

— Если врёт, допросим после. Если не врёт, у нас меньше часа.

— Меньше, — сказал Егор. — В первой камере свод на две ладони. И пострадавшая без сознания.

Женщина кивнула:

— Делайте, что он говорит. Я Дарья Лета, городская глашатай. Мне отвечают эти люди и этот подвал. За всё остальное ответишь наверху.

— Подходит.

Сава принёс бухту пеньковой верёвки. Егор быстро сделал незатягивающуюся петлю, проверил волокна и отбросил участок с потемневшей прядью. Потом показал сигналы: один рывок — выбрать слабинку, два — остановиться, три — тянуть человека. Сава повторил их без ошибки.

— Если я дёрну часто, вытягивайте меня сразу. Даже если застрянет. Только не обматывай конец вокруг ладони.

— Почему?

— Потому что без ладони верёвку держать трудно.

Седой хмыкнул и снял петлю с кисти.

Егор обвязался, взял маленький фонарь у мальчишки и

проверил крышку. Та была промазана воском, но в воде свет мог погаснуть. Дарья протянула ему короткий нож в кожаных ножнах.

— Вернёшь, — сказала она.

— Если не вернусь, возьмишь сама.

Он снова ушёл под воду.

Теперь всё выглядело иначе. Луч фонаря выхватил зелёные камни, взвесь, бледную руку погибшего. На его куртке блестела медная застёжка в виде волчьей головы. Верёвка придавила рукав к створке. Егор перерезал ткань, освободил старый конец и оставил тело лежать. Вытаскивать его сейчас значило перекрыть узкий лаз.

В первой камере Кир встретил Егора криком:

— Ты пропал!

— Я нашёл выход. Сейчас наденем петлю на Ину.

При свете стали видны лицо Кира, его разбитая губа и широкая мокрая рубаха. Ина была совсем молодой — лет двадцати пяти, может меньше, с коротко стриженными волосами и кожаным поясом, на котором висели мотки тонкого шнура. Кровь на виске уже не текла.

Егор пропустил петлю ей под руками, завязал выше груди и дважды проверил, не давит ли верёвка на шею.

— Кир, пойдёшь с ней до тела Стожа. Там узко. Я протолкну Ину под створкой, ты примешь с другой стороны.

Кир побледнел.

— Я плохо плаваю.

— Ногами почти не работай. Держись за ходовой конец. Выдох делай понемногу. У тела не останавливайся и не пытайся его освободить.

— Мы оставим Стожа?

— Сейчас — да.

— Он старший.

— Сейчас старшая — Ина, потому что она жива и сама себе помочь не может.

Кир отвернулся. В слабом свете его подбородок задрожал. Потом он коротко кивнул.

Егор подал три рывка. Верёвка натянулась. Он приложил ладонь к груди Ины, дождался вдоха и на его конце мягко зажал ей нос.

— Пошли.

Первую часть они преодолели быстро. У створки стало тесно. Егор лёг на бок, провёл голову Ины под выступом и почувствовал, как верёвка натянулась слишком сильно. Он дал два рывка. Натяжение не ослабло.

— Стоять! — крикнуть под водой было невозможно.

Он ударил кулаком по верёвке, снова дёрнул дважды. На этот раз Сава понял. Ина застряла поясом за тот самый деревянный шип, который держал куртку погибшего. Егор достал нож. Лезвие скользнуло по дереву. Первый удар лишь снял щепу, второй надрубил шип. Воздух кончился. Перед глазами уже проступали красные точки.

Кир с другой стороны увидел, в чём дело, упёрся ногами

в ступени и потянул Ину за плечи.

Егор ударил ножом ещё раз. Шип сломался.

Верёвка ожила и поволокла Ину вверх. Кир проскользнул за ней. Егор задержался на одно движение, чтобы убедиться, что нога пострадавшей не зацепилась за тело Стожа, и потерял драгоценную секунду. Грудь свело. Он оттолкнулся от ступени, задел плечом створку и выронил фонарь.

Темнота вернулась сразу.

Направляющий конец лежал под ладонью, но Егор не стал тянуть себя только руками. Прижал локоть к боку, дал ногам один сильный толчок, второй. Голова ударилась о край воздушной полости.

Он вынырнул рядом с решёткой и несколько секунд не мог вдохнуть — только кашлял и выплёвывал воду. Чьи-то руки ухватили его за футболку. Егор успел сказать: «Не за шею», прежде чем его втащили на площадку.

Ина лежала на досках. Дарья стояла на коленях рядом и пыталась напоить её из кружки.

— Не лейте, — прохрипел Егор. — Она без сознания, захлебнётся.

Он подполз, повернул Ину набок, проверил дыхание. Оно стало чаще. Хорошо. Зрачки на свет реагировали неодинаково — плохо. Нужен лекарь и наблюдение.

Кир сидел у стены, обхватив себя руками. Он был жив, но смотрел на затопленный лаз.

— Стож там, — сказал он Дарье.

— Я слышала.

— Мы его оставили.

Егор поднялся на колени.

— Мы за ним вернёмся, когда закрепим створку и принесём второй источник света. Сейчас проход опасен.

— Ты уже один раз прошёл.

— Поэтому и знаю.

Кир вскочил.

— Он мог быть жив!

— Когда я его нашёл, признаков жизни не было.

— Ты не лекарь.

— Нет. Я водолаз-спасатель. И я дважды проверю вместе с лекарем, прежде чем назвать человека погибшим. Но Ина дышит сейчас. Если мы полезем втроём в узость, она может перестать дышать наверху без помощи. Выбирай не между другом и чужой. Выбирай, кому ещё можно помочь в эту минуту.

Кир ударил кулаком по стене. Сава перехватил его руку, но Егор покачал головой. Пусть бьёт камень, если иначе ударит себя.

Сверху зазвонил колокол — двенадцать медленных ударов. После каждого люди в подвале становились тише.

Дарья пересчитала удары и побледнела.

— До паводка двенадцать дней, — сказала она. — Крой закрыл нижние ворота раньше срока.

— Кто такой Крой?

Никто не ответил сразу.

В люке появился солдат в мокром плаще. На груди у него была та же волчья голова, что на застёжке погибшего.

— Именем полководца Радомира Кроя, — объявил он, — передайте разведчиков и запретного ныряльщика военному десятку.

Парни с баграми отступили от Егора. Сава, наоборот, положил ладонь на топорщице. Дарья медленно встала. Медная трубка у её пояса качнулась и стукнула по дощечкам.

— Разведчица ранена, — сказала она. — Сначала лекарь.

— Полководец пришлёт своего.

— Городской подвал — под правом Зареча.

Солдат спустился на две ступени.

— С рассвета всё, что ниже набережной, под военным правом.

— Решение схода назовёшь?

— Приказ Кроя.

— Значит, решения нет.

Егор слушал их и смотрел на волчью голову. Кир говорил, что медный камень держал воду ниже подбородка, а потом потух. В проходе не было ни насоса, ни трубы, способной откачать такой объём. Зато на ступенях он видел ровную светлую полосу: до аварии вода действительно стояла ниже. Невозможное следовало оставить на потом, как и вопрос о том, где он оказался.

Сейчас были раненая, погибший под водой и вооружён-

ные люди, которые хотели забрать обоих свидетелей.

— Дарья, — негромко сказал он. — Где ближайшее помещение выше уровня реки?

Она не обернулась.

— Пекарня на Верхней улице.

— Несём Ину туда. На доске, голову придерживать с двух сторон. Кира не разлучать с ней. За Стожем вернусь с лекарем и новым светом.

Солдат усмехнулся:

— Ты никуда не вернёшься. Нырять в старых ходах запрещено княжеской печатью.

— Тогда зачем ваш полководец послал туда троих?

Усмешка исчезла.

Дарья посмотрела на Егора впервые не как на странную находку из воды, а как на человека, который только что произнёс вслух нужный вопрос.

— Поднимайте Ину, — велела она. — Сава, открывай верхнюю дверь. Егор Лаврин, пойдёшь между мной и Киrom. Пока сход не разберётся, ты свидетель под охраной города.

— Он мой арестант, — сказал солдат.

— Пусть полководец заявит это на площади.

Сверху донёсся нарастающий шум. Не крики — множество шагов и голосов, сходящихся к набережной. Город просыпался под колокол.

Егор взялся за край доски. Ину подняли вшестером. У лестницы пришлось повернуть её боком; Дарья сама держала

пострадавшую за плечи и считала ступени. Кир шёл рядом, прижимая к груди бухту старой верёвки.

У люка Егор оглянулся.

Вода уже накрыла нижний край выбитой решётки. На поверхности покачивалась медная волчья застёжка, сорванная с одежды Стожа. Рядом из глубины на миг проступило зеленоватое сияние. Оно вспыхнуло, и уровень воды упал на толщину пальца.

Одновременно наверху кто-то закричал:

— Воздуха нет! В пекарне люди падают!

Солдат рванулся к лестнице. Дарья резко повернула голову к Егору.

Он ещё не знал, что связывает подземный свет с пекарней. Но уже услышал знакомое: частые шаги, сорванное дыхание, голос человека, который зовёт на помощь и не умеет объяснить, что произошло.

— Несите Ину наверх, — сказал Егор. — И распахните в пекарне все окна. Я иду туда.

Глава 2. Комната без воздуха

Дарья поняла, что в пекарне беда, ещё до того, как увидела упавших людей.

Из трубы над крышей шёл дым, двери были распахнуты, огонь в печи горел — значит, дело не в пожаре и не в угаре. Но на крыльце теснились соседи, и никто не решался войти. Одни держались за горло, другие прижимали ко рту мокрые платки. Когда изнутри вынесли мальчика, его лицо было не красным от жара и не серым от дыма. Оно посинело вокруг губ.

— На площадь! — крикнула Дарья. — Не стойте у дверей. Дайте воздух тем, кого вынесли.

Она шла задом перед доской, на которой лежала Ина, и держала раненую за плечо. Сава с Киром несли передний край. Егор уже обогнал их. Один ботинок шлёпал по камням, босая ступня оставляла мокрый след, но чужак не замедлялся.

У пекарни его попытался остановить староста улицы.

— Там отравы!

— Если бы отравы действовала так быстро, вы бы тоже уже лежали. Кто последний вышел сам?

— Мирка. Вон она.

У стены сидела полная женщина в переднике. Она ловила воздух открытым ртом и не могла ответить. Егор присел пе-

ред ней, посмотрел в глаза, приложил пальцы к шее.

— Сколько осталось внутри?

Мирка показала три пальца.

— Окна есть?

Она кивнула.

— Почему не открыли?

Женщина выдавила:

— Заколочены. От стрел.

Егор встал.

— Топоры. Ломы. Бить ставни снаружи. Внутрь по одному, на задержке дыхания, с верёвкой.

— Ты не будешь здесь распоряжаться, — сказал десятник Кроя, догнавший их от подвала.

Дарья узнала его. Веслав Гром носил княжескую нашивку всего третий месяц, но уже смотрел на горожан так, будто родился верхом на боевом коне.

— А ты умеешь выносить людей из комнаты без воздуха? — спросила она.

— Я умею исполнять приказ. Чужака нужно доставить к полководцу.

— Доставишь после того, как он поможет живым.

— Ты мешаешь военному делу.

Дарья сняла с пояса медную трубу и подняла над головой.

— Свидетели! — крикнула она.

На площади повернулись десятки лиц.

— Запоминайте. Десятого дня перед паводком десятник

Веслав Гром требует прекратить спасение людей в пекарне Мирославы Клен и увести единственного человека, который предложил способ войти безопасно.

Веслав побледнел.

Глашатай не судил и не приказывал. Он называл поступок так, чтобы тот не исчез вечером в чужом пересказе. Иногда этого было достаточно.

— Спасайте, — процедил десятник. — Но чужак останется под моей охраной.

Егор уже привязывал верёвку к поясу. Он услышал последнее и мотнул головой:

— Не к поясу. Под руками. Если потеряю сознание, за пояс сложит пополам.

Сава молча перевязал его. Егор втянул воздух, прижал рукав к носу и исчез в дверях.

Дарья велела перенести Ину под навес напротив. Лекарь ещё не пришёл. Кир стоял рядом с доской и смотрел только на дверь пекарни. Его губа снова кровила: он кусал её до раны.

— Держи ей голову ровно, — сказала Дарья.

— Стож остался внизу.

— Знаю.

— Крой скажет, что это городские заперли решётку.

— А ты скажешь, как было.

Кир посмотрел на неё испуганно.

— Мне?

— Ты вошёл в ход по приказу. Ина тоже. Стож погиб. Если вы промолчите, полководец назовёт это несчастьем на реке и завтра пошлёт других.

— Я не глашатай.

— Поэтому тебе поверят иначе, чем мне.

Слева затрещало дерево. Соседи выбили первую ставню. Внутрь хлынул серый свет. Пламя в печи качнулось к окну, будто его потянули невидимой верёвкой.

Дарья это заметила.

Огонь горел низко и странно, хотя дров было много. Не дым душил людей — самому огню не хватало воздуха.

Из дверей показался Егор. Он тащил пекаря за ворот, шагая на четвереньках. Сава и ещё двое вытянули обоих по верёвке. На крыльце Егор резко вдохнул, перевернул мужчину на бок и полез обратно.

— Стой, — сказала Дарья. — Сначала отдышись.

Он посмотрел на неё так, словно не ожидал разумных слов от человека с трубой.

— Десять вдохов, — согласился он. — Считай.

Дарья считала вслух. На шестом из второго окна вылетела ставня. На десятом Егор снова вошёл. За два захода он вынес старуху и подмастерье. Последний пришёл в себя прямо на мостовой и начал отбиваться, не понимая, кто его держит.

Лекарь Корн появился, когда все трое уже лежали под навесом. Он был маленьким, злым и всегда приходил с таким видом, будто болезнь нарочно выбрала неудобный час.

— Почему не дали отвар? — спросил он.

— Потому что двое были без сознания, — ответил Егор.

— А ты кто?

— Потом. У этой девушки удар по голове. Зрачки разные.

Её нельзя оставлять одну и поить, пока не очнётся.

Корн проверил Ину, потом пострадавших из пекарни. Его раздражение сменилось вниманием.

— Дыхание возвращается на воздухе, — сказал он. — Яда на губах нет. Судорог нет.

— Потому что это не яд, — ответил Егор. — В комнате стало мало того, чем мы дышим.

— Воздуха там полно, — возразил Веслав. — Комната не пустая.

Егор поднял голову.

— Вода тоже может быть полной, а дышать ею человек не сможет. Воздух состоит не из одной вещи. Огонь и люди берут из него нужную часть. Если её становится мало, сначала слабеет пламя, потом путаются мысли, потом человек падает.

Дарья не знала, правда ли воздух состоит из частей. Но слабое пламя она видела сама.

— Откуда нужная часть делась?

— Не знаю. Пока не знаю.

— Камень, — сказал Кир.

Все повернулись к нему.

Он сжал бухту так, что верёвка впилась в пальцы.

— Камень под водой засветился. Вода отступила. Тогда наверху закричали.

Веслав шагнул к нему:

— Замолчи.

— Не трогай свидетеля, — сказала Дарья.

— Он разведчик княжеского войска.

— Он лодочник Нижней пристани, которого вы взяли проводником на одну ночь. Я помню запись.

— Во время службы он подчинён Крою.

— Служба закончилась, когда ваш десяток оставил его тонуть за закрытой решёткой.

По толпе прошёл шёпот. Дарья не повышала голоса. Ей нужно было не победить Веслава в перебранке, а удержать факты на виду.

Егор тем временем поднялся на крыльцо и заглянул в пекарню.

— Пламя выравнивается. Войти можно, но печь погасить. Окна не закрывать.

— Стрелы с восточного берега долетают, — сказала Мирка. Она уже могла стоять, опираясь на стену. — Вчера накопчик в тесто вошёл.

— Тогда поставьте щиты снаружи на расстоянии шага. Воздух должен проходить сбоку.

— Щиты где взять?

Дарья оглянулась. На площади стояли телеги, двери пустого склада, столы рыночников.

— Снимем створки с соляного амбара. Сава, собери людей.

Веслав рассмеялся:

— Городские законы запрещают разбирать амбар.

— А военный приказ запрещает людям дышать?

Десятник перестал смеяться.

Егор вошёл в пекарню уже без верёвки. Дарья пошла за ним. Внутри пахло закваской, горячим камнем и кислым потом. На полу валялись перевёрнутые лопаты, миска с разбитым яйцом, рассыпанные буханки. Всё говорило о том, как внезапно люди потеряли силы.

— Не закрывай дверь, — предупредил Егор.

— Я не люблю закрытые двери.

Он посмотрел на неё, словно хотел спросить почему, но не стал.

Дарья обошла стол. На стенах не было трещин, через которые мог пройти дым из соседнего дома. Печь имела исправную тягу. В углу стояли два мешка древесного угля, но ни один не тлел.

Егор присел у стены между печью и кладовой.

— Это было раньше?

Он показывал на меловой круг размером с ладонь. В круге стояли три угловатые черты и слово «Пекарня». Почерк был ровный, военный.

Мирка заглянула через дверь.

— Не было. Я стены после зимы белила.

Дарья вынула дощечку и записала: «Меловой круг на внутренней северной стене. Хозяйка отрицает метку».

— Не трогать, — сказала она людям у входа.

Егор поднёс ладонь к знаку, не касаясь.

— В подземном ходе была такая отметка?

Кир подошёл к порогу, но внутрь не вошёл.

— На клетке камня. Только имя другое.

— Какое?

— «Первая ветвь».

— Кто делал надписи?

Кир покосился на Веслава.

— Писарь полководца. Нам велели не спрашивать.

— Он врёт, — сказал десятник.

Дарья повернула дощечку к нему.

— Хорошо. Назови писаря, и мы сравним руку.

— Я не обязан отвечать тебе.

— Тогда я запишу отказ рядом с показанием Кира.

Веслав потянулся к дощечке. Егор встал между ними без угрозы, просто занял место. Он был ниже десятника и без оружия, если не считать ножа Дарьи у пояса, который ещё не вернул. Но мокрая одежда облепила крепкие плечи, а смотрел он спокойно.

— Не надо, — сказал он.

— Отойди, чужак.

— Здесь мало места. Если начнёте драться, затопчете следы.

Это прозвучало не героически, а деловито. Веславу пришлось бы признать, что он собирается не задерживать опасного человека, а топтать мел на стене при свидетелях. Он отступил.

Дарья присела рядом со знаком. От нижнего края круга тянулась тонкая линия. Она уходила за мешки муки, вдоль плинтуса и заканчивалась у медной пластинки, вбитой между камнями пола.

— Мирка, это твоё?

— Впервые вижу.

Егор попросил ложку и осторожно поддел пластинку. Под ней оказался тонкий жгут из зелёных нитей, уходивший в щель кладки. Он не стал вытаскивать его.

— Похоже на провод, — сказал он.

— На что?

— На длинную связь. В моём мире по таким жилам идёт сила или весть. Этот жгут может связывать метку с камнем.

Дарья услышала главное.

— В твоём мире?

Егор замер.

До этой минуты он отвечал на вопросы лишь поступками. Теперь странная одежда, непонятный свисток и слова сложились в одно признание.

— Да, — сказал он. — Я не знаю, как оказался здесь. Последнее, что помню, — авария в затопленном коллекторе.

— Коллектор — это ход?

— Большая подземная труба для воды.

— И там ты был спасателем?

— Был. Пока меня не отстранили.

— За что?

Он посмотрел на меловой круг.

— За отказ отправить людей в воду без запасного воздуха и страхующего.

Дарья привыкла различать красивый ответ и ответ, который человеку неприятно произносить. Егор не гордился. Он всё ещё спорил с теми, кого здесь не было.

— Удобная история, — заметил Веслав. — Запретный ныряльщик приходит из иного мира именно тогда, когда враг запирает город.

— Удобнее было бы прийти в двух ботинках, — сказал Егор.

Кто-то у двери фыркнул. Напряжение на миг ослабло.

Дарья встала.

— Знак нужно сохранить до схода. Сава, поставь у стены двух свидетелей. Мирка, никто не ночует внутри, пока не поймём, может ли это повториться.

— А хлеб?

— Печь можно перенести во двор.

— До дождя два дня.

— Тогда навес поставим сегодня.

Егор покачал головой:

— Этого мало. Если знак снова заберёт воздух, открытые

окна помогут не сразу. Метку нужно разорвать.

— Ты только что велел не трогать.

— Сначала зафиксировать. Потом смыть мел, вынуть пластинку и перерезать жгут снаружи помещения.

Веслав резко сказал:

— Никто не коснётся военной привязки.

Слова повисли в пекарне.

Дарья не дала себе улыбнуться. Десятник понял ошибку слишком поздно.

— Значит, это всё-таки военная привязка, — сказала она.

— Я не это имел в виду.

— Свидетели слышали.

— Крой использует пустые здания для защиты города. Пекарню могли пометить по старой карте.

Мирка шагнула внутрь.

— Пустое здание? У меня семь человек спят над печью. Мой внук сейчас на площади с синими губами.

— Ошибку исправят.

— Кто исправит Стожа? — спросил Кир.

Веслав положил руку на меч.

Егор медленно отдал Дарье нож рукоятью вперёд.

— Сначала вынесем пластинку, — сказал он. — Спорить можно на улице, где всем хватает воздуха.

Дарья передала нож Саве.

— Вырежи камень вокруг меди, не касаясь зелёной нити.

Мирка, ведро воды. Когда я запишу знак, смоем его вместе.

— Запрещаю, — сказал Веслав.

— На каком основании?

— Военная необходимость.

— Какая именно?

Он молчал.

— Чтобы осушить ход, — произнёс Кир. — Камень выталкивает воду. Воздух берёт из привязанной комнаты. Стож объяснял Ине, когда думал, что я не слышу.

Дарья записала дословно.

— Сколько воды вытолкнул камень?

— До груди. Потом клетка треснула, и всё хлынуло обратно.

Егор быстро спросил:

— Размер хода?

Кир показал ширину руками и высоту до плеча.

— Длина сухого места?

— Шагов двадцать.

Егор оглядел пекарню, будто измерял её взглядом.

— Примерно тот же объём, — сказал он. — Если из комнаты не исчезает весь воздух, а только та часть, которой дышит огонь и человек, сходится слишком хорошо.

— Ты можешь доказать? — спросила Дарья.

— Не включая камень снова в жилом доме. Нужно найти пустое строение, животных туда тоже не пускать, открыть окна и измерить изменения безопасным способом.

— Каким?

— Пламя на длинной палке. И никто не входит без конца и наблюдающего.

Веслав шагнул к двери.

— Полководец сам решит, какие опыты нужны городу.

— Полководец уже решил, — ответила Мирка. — Моим внуком.

На площади люди заговорили громче. Дарья слышала отдельные слова: «метки», «дома», «воздух». Новость расходилась быстрее, чем она успевала её оглашать.

Это могло спасти город. Могло и превратить страх в охоту на каждого солдата с кусочком мела.

— Тишина! — крикнула Дарья в трубу.

Медный голос прокатился между домами.

— Пока известно следующее. В пекарне пострадали семь человек. Все пришли в себя после выноса на улицу. На стене найдена меловая метка, которую десятник Веслав назвал военной привязкой. Лодочник Кир Ошен свидетельствует, что под рекой военный камень вытеснил воду одновременно с исчезновением воздуха здесь. Причина ещё не доказана. Не ищите метки по чужим домам без хозяев, не бейте солдат и не входите в закрытые помещения в одиночку. Через два часа будет открытое слушание на Рыбной площади.

— Ты сеешь мятеж, — сказал Веслав.

— Я называю то, что случилось.

— Крой отменит слушание.

— Пусть скажет это перед семью спасёнными.

Корн подошёл к Дарье и тихо сообщил, что Ина открыла глаза, но не узнаёт Кира. Её нужно перенести в лечебный дом. Егор сразу повернулся к раненой.

— Я пойду с ней.

— Ты пойдёшь со мной, — сказал Веслав. На этот раз в переулке за ним появились четверо солдат. — Приказ полководца: взять запретного ныряльщика под стражу. Если городская глашатай мешает — взять и её.

Люди расступились. Сава держал лом, Мирка — ведро, Кир — мокрую верёвку. Это было не войско. Но в каждом доме вокруг могли оказаться такие же меловые круги, и теперь горожане об этом знали.

Дарья встала рядом с Егором.

— У тебя есть право не отвечать Крою до слушания, — сказала она.

— А право помочь Ине есть?

— Есть.

— Тогда я сначала дойду до лечебного дома.

Веслав вынул меч на ладонь.

— Не дойдёшь.

Егор не поднял рук и не приготовился драться. Он посмотрел на солдат, на узкую улицу и на доску с раненой.

— Если начнёте здесь, уроните Ину, — сказал он. — Давайте прощ. Двое ваших идут рядом. Я не убегая. Сначала передаём её лекарю, потом все вместе идём на площадь. Там Крой сможет задать вопросы при свидетелях.

— Ты ставишь условия полководцу?

— Я предлагаю не калечить ещё одного человека ради удобства.

Дарья ждала. Решение теперь принадлежало Веславу, и любой его выбор становился видимым. Он мог принять разумный порядок или обнажить меч перед раненой женщиной и всем кварталом.

Десятник убрал клинок.

— Двое рядом. Чуть в сторону — свяжем.

— Связывайте выше локтей, — ответил Егор. — Кисти мне понадобятся, если Ине станет хуже.

Они подняли доску. На этот раз Дарья шла впереди и трубила короткими сигналами, освобождая улицу. Из окон выглядывали люди. Кто-то уже стирал со стены белое пятно, кто-то выкрикивал, что нашёл медную пластину в погребе.

Дарья повторяла одно и то же:

— Не трогать в одиночку. Открыть окна. Позвать свидетелей. Записать дом.

У лечебницы их встретил посыльный в чёрном плаще Кроя. Он развернул свиток, не дожидаясь, пока Ину внесут внутрь.

— Полководец Радомир Крой требует немедленно передать человека, назвавшегося Егором Лавриным, для допроса о запретных ходах. В случае отказа городские глашатаи признаются пособниками врага.

Дарья выслушала до конца и протянула руку за свитком.

— Печать есть?

— Есть.

— Хорошо. Я оглашу требование на сходе.

— Это не приглашение к обсуждению.

— В Зарече любое требование отдать человека без названного обвинения обсуждается.

Посыльный усмехнулся:

— До сегодняшнего заката.

Он ушёл. Егор помог Корну перенести Ину на кровать и только потом позволил двум солдатам встать по сторонам.

Дарья посмотрела на княжескую печать. Волчья голова была продавлена в красном воске так глубоко, что края треснули.

Внизу свитка стояла приписка: с наступлением темноты Крой вводил военный срок до окончания паводка. Городской сход мог собраться ещё один раз.

Дарья свернула приказ.

До заката оставалось меньше девяти часов.

Глава 3. Право на отказ

За одиннадцать дней до паводка

Рыбная площадь пахла мокрой чешуёй, дымом и страхом.

Егор стоял на перевёрнутом ящике между двумя солдатами и видел перед собой не толпу, а плохо устроенное место работ. Люди заполнили проходы между прилавками, залезли на бочки, свесились из окон. Если кто-нибудь крикнет про новый меловой знак, все рванут в одну сторону и сомнут детей у колодца. Если солдаты обнажат мечи, отступить будет некуда. Даже у Дарьиной медной трубы оставался узкий коридор только потому, что Сава с Киrom растянули поперёк площади старую сеть.

Сеть никого не удержала бы. Зато обозначала границу. Иногда этого хватало.

Ину оставили в лечебном доме. Лекарь сказал, что она открывает глаза, отвечает на простые вопросы, но не помнит последних часов. Кир хотел вернуться к ней, однако остался: без его показаний разговор о затопленном ходе превращался в рассказ чужака, который явился без второго ботинка и объявил себя человеком из другого мира.

Дарья поднялась на каменный стол для разделки рыбы. Рядом встали ещё двое глашатаев: седой бондарь Тишан Рой и сухая, сутулая Лана Сечь, торговавшая до избрания речной солью. Значит, сказала Дарья, решение будет городским, а

не её личным.

— Открытое слушание начинается, — объявила она. — Говорит один, остальные слушают. Кто хочет возразить — поднимает руку. Кто вынимает оружие, тот сам отказывается от голоса до конца схода.

Десятник Веслав шумно выдохнул, но ладонь с рукояти убрал.

На другой стороне площади солдаты расступились. Крой приехал без шлема, в чёрном плаще с серебряной застёжкой. Он был крупным, уже седеющим мужчиной, сидел в седле прямо и спокойно, словно площадь заранее принадлежала ему. За полководцем шли двое писарей и человек с небольшим ларцом, обитым зелёной медью.

Егор узнал цвет жгута из пекарни.

— Я вызвал чужака на допрос, — сказал Крой, не слезая с коня. — Вы устроили представление.

— Мы устроили слушание о семи людях, едва не погибших в собственном доме, — ответила Дарья. — Ваш вопрос будет услышан вместе с остальными.

Она не повышала голоса. Труба делала это за неё, разносила каждое слово до крыши ратуши.

— Тогда начните с простого, — предложил Крой. — Кто он?

Все посмотрели на Егора.

Он провёл ладонью по ещё влажным волосам. За время в лечебнице ему дали чужую куртку и один стоптанный сапог.

Вторую ногу обмотали холстом. Вид получился не для убедительной речи.

— Егор Лаврин. Сорок один год. Спасатель-водолаз.

— Какого города?

— Санкт-Петербурга.

По площади прокатился шёпот. Название повторяли с разными ударениями, будто пробовали на вкус.

— Где он стоит? — спросила Лана Сечь.

— В моём мире — далеко. Здесь его, возможно, вообще нет.

— Удобно, — сказал Крой. — Никто не проверит.

— Не проверит.

Крой ожидал оправдания и слегка прищурился.

— У тебя нет грамоты ремесла, знака цеха, свидетеля из твоего города. Ты не можешь доказать ни имени, ни звания, ни сказки об ином мире.

— Не могу.

Толпа загудела громче. Дарья не вмешалась. Она смотрела на Егора так, будто ждала не красивого объяснения, а следующего честного ответа.

— Тогда почему Зареч должен доверить тебе запретные ходы? — спросил Тишан.

— Не должен. Моё происхождение сейчас вообще не важно. Проверяйте то, что я умею, и не давайте мне распоряжаться там, где я ничего не знаю.

— Ловко, — бросил Веслав. — Хочешь пройти в ход без

имени, а потом скажешь, что предупреждал.

— Я не хочу идти в ваш ход сегодня.

Кир повернулся к нему так резко, что сеть дрогнула.

— Стож там.

— Знаю.

— Ты обещал вернуться.

— С лекарем, светом и безопасной страховкой. Сейчас у нас нет ни снаряжения, ни плана, ни человека, который останется наверху и вытащит нас по сигналу. Если полезем ради Стожа и утонем рядом, ему от этого не станет легче.

Лицо Кира побелело. Егор видел, как тот стиснул мокрый конец верёвки, снятой с тела товарища. Хотелось спрыгнуть с ящика, сказать мягче, обнять его за плечи. Но жалость, которая отправляет человека обратно в воду, была хуже прямоты.

— Он говорит, как трус, — выкрикнул кто-то у колодца.

— Возможно, — ответил Егор. — Зато трус, который вернётся подготовленным, полезнее двух храбрецов на дне.

На площади стало тише.

Крой спешил. Конюх принял повод, а полководец подошёл к ящику и посмотрел на Егора снизу вверх. Даже так он не казался ниже.

— Ты описал пекарню, будто знаешь действие камней.

— Я увидел слабое пламя, людей без запаха дыма и быстрое улучшение на улице. Потом услышал про осушённый отрезок хода. Этого достаточно, чтобы предположить связь.

Недостаточно, чтобы знать все правила.

— А что тебе достаточно, чтобы спуститься?

Егор показал на верёвку Кира.

— Сначала узнаю, куда ведёт каждый конец. Проверю решётки, течение и глубину с поверхности, насколько получится. Нужны двое внизу и хотя бы один страхующий наверху. Лучше двое. Все заранее учат сигналы рывками. Один — всё хорошо. Два — выбрать слабинку. Три — тащить немедленно. Непрерывная тряска — конец застрял или человек в панике, тогда второй не бросается следом без команды.

— Пока вы будете дёргать верёвочки, враг пробьёт стену, — сказал Крой.

— Тогда вы решаете, что для вас дороже: время или люди. Но нельзя назвать решение безопасным только потому, что оно быстрое.

Полководец кивнул человеку с зелёным ларцом. Тот поставил его на край каменного стола и открыл крышку. Внутри на серой шерсти лежал молочно-белый камень размером с кулак. По его поверхности медленно бежали тёмные жилы.

Люди отступили. Сеть натянулась.

— Вот причина страха, — сказал Крой. — Камень не кушает. Сам по себе он ничего не делает. Мастер привязывает его к пустому помещению, осушает ход, войско проходит под рекой и бьёт осаждающих в спину. Один быстрый удар спасает тысячи.

Мирка Печня вышла к сети.

— Моя пекарня не пустая.

— Ошибка писаря.

— Ошибка моего внука за горло держала.

— Он жив.

— А если следующий не будет?

Крой повернулся к ней всем корпусом. В его лице не было ни насмешки, ни злости.

— Тогда я отвечу перед князем. Но если мы не снимем осаду до паводка, северную стену размоет. Враг войдёт на Рыбную площадь, и спрашивать согласия не станет. Я выбираю меньший риск.

— За чужой дом, — сказала Мирка.

— За город.

Егор смотрел на камень. Тёмные жилы внутри сдвигались слишком ровно, будто жидкость текла вверх. Если устройство и вправду переносило воздух, оно делало невозможное, но расплачивались за невозможное самыми обычными лёгкими.

— Закройте ларец, — сказал он.

Мастер усмехнулся:

— Боишься?

— Не знаю, может ли он работать здесь. И никто на площади этого не знает.

— Без печати полководца камень спит.

— Значит, крышка вам не мешает.

Дарья повторила в трубу:

— Закройте ларец.

Крой едва заметно пожал плечом, и мастер подчинился. Лана Сечь развернула список.

— Вопрос первый: кем и когда пекарня Мирки была признана пустой?

Один из писарей Кроя зашептал ему на ухо.

— Карты составляли зимой, — ответил полководец. — Ответственного писаря установим.

— Имя?

— После внутреннего дознания.

— До дознания другие привязки запускать будете?

— Если потребует оборона.

Шум ударил о фасады. Кто-то потребовал показать карту, кто-то закричал, что нашёл круг в чулане. Веслав велел солдатам сомкнуться. Егор увидел женщину с ребёнком, прижатую к прилавку, и прыгнул с ящика.

Солдаты тут же схватили его за руки.

— Проход освободить надо, — сказал Егор. — Ребёнка сейчас задавят.

Дарья ударила ладонью по трубе. Гул оборвался резким медным звоном.

— Сход не слышит сам себя! — объявила она. — Отойдите от сети на три шага. Дайте выход к улице Красильщиков.

Сава сдвинул стойку. Кир первым отступил, потянув за собой соседей. По площади открылся кривой, но свободный проход. Женщина подхватила ребёнка и вышла.

Егора отпустили. Он снова взобрался на ящик.

— Нам предлагают два разных вопроса как один, — сказал он. — Первый: можно ли вообще пользоваться камнями. Я не знаю. Второй: можно ли сегодня отправлять людей в затопленный ход или забирать воздух из непроверенных домов. Нет.

— Ты не имеешь права запрещать, — сказал Крой.

— Верно. У меня есть право не вести людей туда самому.

— А у тех, кому я прикажу?

По площади будто прошёл холодный ветер.

Егор посмотрел на Веслава, потом на молодых солдат за ним. Один был рыжим и совсем худым, с плохо затянутым ремнём. Другой всё время косился на зелёный ларец.

— Спросите у них.

— Войско держится приказом.

— Спасательная работа держится ещё и отказом. Человек внизу видит то, чего не видит начальник наверху. Если он говорит, что конец перетёрт, воздух кончается или проход рушится, его вытаскивают. Потом разбираются. Иначе приказ становится способом утопить тех, кто умеет работать.

Крой усмехнулся:

— Поэтому тебя и отстранили в твоём чудесном городе?

Егор почувствовал, как ногти впились в ладонь.

Перед глазами на миг возникла бетонная горловина коллектора. Дождь бил по каскам, вода поднималась на отметках, начальник смены говорил, что резервная линия задер-

жалась всего на десять минут. Внутри ждали двое рабочих. Егор отказался брать с собой молодого напарника без страхующего поста. Пока спорили, рабочих вынесло к решётке. Одного достали живым. Второго — утром.

На разборе слово «отказ» звучало чаще слова «резерв».

— Да, — сказал он. — Меня отстранили. Один человек погиб, пока мы ждали снаряжение. Я не знаю, спас бы его, если бы пошёл сразу. Знаю другое: без резерва могли погибнуть трое. Я подписал отказ своим именем и подпишу снова.

Кир опустил глаза на верёвку Стожа.

— А если из-за твоего отказа враг войдёт в город? — спросил Тишан.

— Тогда отвечать придётся и за это. Право отказаться не освобождает от следующего решения. Нужно предложить другой способ или честно сказать, что его пока нет.

— У тебя есть другой способ?

— Для всего военного хода — пока нет. Для разведки есть. Верёвка, грузы с метками глубины, длинный шест у входа, плоты со страховочными концами. Если найдём широкую вертикальную шахту, можно опустить туда перевёрнутую бочку с воздухом. Если местные мастера умеют делать плотные мехи и клапаны, попробуем подавать воздух с поверхности.

Мужчина в кожаном фартуке у бондарного ряда поднял руку.

— Мехи умею, — сказал он. — Клапан на мельничный

насос тоже. Я Март Велик.

— Сколько времени на пробу?

Март задумался.

— День на малую. Три на такую, чтобы человек под ней поместился. Если бочку даст Тишан и кожу не заберёт войско.

— Бочку дам, — сказал седой глашатай.

— Кожа числится военным запасом, — вмешался Веслав.

— В моей мастерской она числится моей, пока за неё не заплатили, — отозвалась женщина рядом с Киром.

Егор узнал Ину не сразу: бледная, с перевязанной головой, она держалась за плечо лекаря Корна. Кир бросил верёвку и кинулся к ней, но остановился за два шага.

— Ты меня знаешь? — спросил он.

Ина долго смотрела на него.

— Ты орёшь, когда лодка течёт, — сказала она наконец.

— И молчишь, когда надо позвать на помощь.

Кир засмеялся и закрыл лицо ладонями.

— Тебе надо лежать, — сказал Егор.

— Мне надо слышать, кто решит за меня, что я обязана опять лезть под решётку.

Крой повернулся к лекарю:

— Ты разрешил раненой выйти?

— Нет, — ответил Корн. — Поэтому шёл рядом.

Ина подошла к сети.

— Стож был главным в спуске. Веслав сказал: камень

даст сухой ход. Клетку с камнем опустили, вода ушла. Потом Стож увидел трещину над сводом и велел назад. Военный мастер приказал ещё двадцать шагов. Стож отказался. Тогда Веслав сказал Киру держать клетку, а мне — тянуть жгут. Свод сел. Стожа прижало, камень погас, вода вернулась.

Десятник побагровел.

— Она ударилась головой. Сама не помнит, кто такой Кир.

— Теперь помню, — сказала Ина. — И тебя помню.

Дарья попросила повторить медленнее и записала каждую фразу на дощечке. Потом подняла её так, словно люди могли разглядеть царапины с другого края площади.

— Стож отказался продолжать опасный спуск, — произнесла она. — Его отказ отменили приказом. Он погиб. Ина ранена. Кир и Егор выбрались случайно через старую решётку. Возражения к записи есть?

— Есть, — сказал Крой. — Я не отдавал приказа продолжать.

— Но ваш десятник и ваш мастер отдали.

— Я проведу дознание.

— После следующего спуска?

Полководец промолчал.

Дарья посоветовалась с Тишаном и Ланой. Они говорили тихо, но недолго. Потом каждый из троих положил ладонь на медную трубу.

— Решение глашатаев до голосования схода, — объявила

Дарья. — Егор Лаврин остаётся свидетелем под охраной города. Не пленником и не военным мастером. Три дня он обследует доступные входы вместе с Киром, Иной, Мартом и теми, кого они сами примут в смену. Никто не обязан спускаться по приказу глашатая, полководца или самого Егора. Любой участник может остановить работу, если видит опасность. За отказ нельзя лишить хлеба, жилья, платы или городского голоса до отдельного открытого разбора.

— Вы присвоили себе власть над войском, — сказал Крой.

— Нет. Мы установили правило для городской работы и городских жителей.

— Ходы служат обороне.

— А входы находятся в наших домах.

Лана Сечь продолжила:

— На три дня запрещается запускать дыхательные камни, привязанные к любому строению, пока хозяева и соседи не проверят его и не дадут согласие на открытом месте. Все найденные метки записываются. Смывать их без свидетелей нельзя, чтобы не потерять счёт.

— Через три дня, — добавил Тишан, — Егор и мастера покажут, что узнали, и предложат безопасный способ разведки. Если способа не будет, так и скажут.

Дарья подняла руку.

— Кто принимает временное решение?

Сначала поднялось несколько десятков ладоней. Потом сотни. Егор видел рыбаков, пекарей, торговцев солью, жен-

щин в кожаных фартуках, двух солдат без плащей. Кир поднял руку. Ина тоже, хотя лекарь поддерживал её под локоть.

— Кто против?

Рук было меньше, но они были. Мужчина возле оружейной лавки крикнул, что три дня подарят врагу стену. Несколько семей с северного берега поддержали его. Дарья не стала объявлять их трусами или сторонниками Кроя. Она пересчитала ряды вместе с другими глашатаями и назвала примерное число вслух.

— Решение принято большинством. Возражение северного квартала внесено: через три дня первым вопросом будет состояние стены.

Егор поймал себя на странном чувстве. Эти люди не доверили ему город. Они дали ему короткий срок, ограничили власть и оставили право передумать. Именно поэтому решение весило больше любого назначения.

Крой поднялся на каменный стол. Его сапог встал рядом с зелёным ларцом.

— Теперь выслушайте решение княжеского войска, — сказал он.

Дарья не отдала ему трубу, но она и не понадобилась. Полководец умел говорить над строем.

— Разведчики врага замечены выше мельничного острова. Северная насыпь просела. Вода у верхней заставы поднялась на две ладони за сутки. С этой минуты паводок считается не природным бедствием, а военным сроком. До сня-

тия осады все лодки, кожа, медь, зерно и трудовые руки могут быть взяты для обороны с последующей платой. Приказы моих десятников обязательны в пределах стен.

Он вынул из-за пазухи свиток с красной печатью и передал писарю.

— Городской сход сохраняет право говорить. Решать будет тот, кто удержит стены.

— До заката ещё шесть часов, — сказала Дарья. — В вашем же приказе срок начинался с темноты.

Крой посмотрел на небо. Облака закрывали солнце, но день ещё стоял ясный.

— Обстановка изменилась.

— За время нашего слушания?

— За время вашего промедления.

Двое солдат подняли зелёный ларец. Другие двинулись к кожаным рядам. Ина шагнула им навстречу, но Егор спустился с ящика и удержал её за плечо.

— Не сейчас.

— Они заберут кожу.

— Если начнётся драка, тебя уронят первой. Нам нужна не вся кожа. Нужен один хороший кусок и мастер, который знает, где он лежит.

Март Велик уже протискивался к ним.

— Малая помпа у меня в мастерской, — сказал он. — Медные клапаны тоже. Большие мехи Крой заберёт, если Веслав догадается.

— Тогда не прячем, — ответил Егор. — Записываем при свидетелях, что они нужны для проверки хода по решению схода. Пусть отбирают открыто.

— Ты всё ещё думаешь, что запись остановит солдата?

— Нет. Но она покажет городу, кто остановил работу.

Дарья услышала и кивнула. Она уже царапала новую дощечку.

Крой подошёл к Егору вплотную.

— Три дня, — сказал он тихо. — За это время ты поймёшь, что без камней не успеешь. Тогда придёшь ко мне сам.

— Возможно.

— И попросишь открыть путь.

— Попрошу людей решить, чьим воздухом за него платить.

— Люди хотят жить. Когда вода подойдёт к стене, они выберут победу.

— Может быть. Но это будет их выбор, а не ошибка пи-саря.

В глазах Кроя впервые появилось не раздражение, а внимание. Он словно переставил Егора из разряда случайных помех в список задач.

— Веслав, — позвал полководец. — Дай ему двоих наблюдателей. Ни одного входа без нашего человека. Если коснётся камня — взять.

— А если ваш человек прикажет идти дальше после сигнала остановки? — спросил Егор.

Крой уже повернулся.

— Тогда узнаем, сколько стоит твоё право на отказ.

Солдаты уходили с площади рядами. За ними тянулись телеги, на которые складывали рулоны кожи и медные листы. Горожане ругались, писцы отмечали изъятое, дети подбирали с земли выпавшие заклёпки. Сход не разошёлся победителем. Он просто сохранил три дня.

Дарья передала Егору дощечку со списком найденных мест. Их было уже девять.

Пекарня Мирки. Погреб красильщиков. Верхний склад соли. Дом паромщика. Лечебный сарай. Две пустые лавки. Закрытая баня. Дом, где жила семья одного из городских судей.

— Все на правом берегу, — сказал Кир.

— И все возле старой набережной, — добавила Ина.

Егор разложил дощечки прямо на рыбном столе, совместил названия с грубой картой улиц и провёл пальцем дугу вдоль реки. Девять домов ложились в линию. Под ними мог идти один ход или несколько ветвей.

— Начнём не с погружения, — сказал он. — Пройдём по всем входам сверху. Проверим подвалы, колодцы, сточные канавы. Найдём, где слышно воду. Потом выберем самый короткий участок.

Кир нахмурился:

— А Стож?

Егор снял с его плеча мокрую верёвку и осмотрел потем-

невшие волокна. В одном месте конец был почти перерезан о камень.

— До Стожа дойдём первым безопасным спуском. Не последним безрассудным.

Кир помолчал и кивнул.

Ина забрала верёвку, связала повреждённое место заметным узлом и дёрнула один раз.

— Всё хорошо, — сказала она.

Потом дважды.

— Выбрать слабинку.

Трижды.

— Тащить немедленно.

— И любой может дать третий сигнал, — напомнил Егор.

— Даже если остальные считают, что он ошибся.

— Особенно если остальные считают, что он ошибся, — сказала Дарья.

Над северной стеной протрубил военный рог. Ему ответил второй, ближе к реке. По площади побежали солдаты.

Егор посмотрел на мутную Ольму. Вода несла ветки, серую пену и куски льда. Где-то под ней оставался Стож, лежали дыхательные камни и тянулся ход, который Крой собирался превратить в дорогу для войска.

Три дня были не подарком. Это был долг, взятый у города под самый высокий процент.

— Где ближайший вход? — спросил он.

Кир указал на лестницу за соляным складом.

— Там, где верёвка уходит в темноту.

Егор взял исправный конец и протянул его Ине.

— Тогда сначала узнаем, к чему она привязана.

Глава 4. Верёвка в темноте

К полудню Крой забрал большие мехи, два рулона кожи и почти всю листовую медь, но старую лодочную верёвку не заметил.

Она лежала на дворе кожевенной мастерской Ины, пахла дёгтем и речной тиной и была толще большого пальца. Егор пропускал её через ладони по локтю за раз. Кир ворчал, что так они провозятся до ночи. Ина сидела на низкой скамье, потому что лекарь запретил ей долго стоять, и завязывала на каждом повреждённом месте яркий лоскут.

— Этот конец держал три лодки на ледоходе, — сказал Кир.

— А потом лежал под дождём сколько лет?

— Два.

— Значит, теперь держит не три лодки, а столько, сколько покажет проверка.

Егор закрепил один конец на столбе, второй намотал на ворот для растяжки шкур. Март навалился на рукоять. Верёвка натянулась, застонала волокнами и лопнула возле незаметного серого пятна.

Кир перестал ворчать.

— На воде это место не видно, — сказала Ина.

— Поэтому проверяем на суше.

Они отрезали слабый кусок, заново связали концы встреч-

ными узлами и повторили нагрузку. После третьей пробы осталось тридцать семь саженей надёжной линии. Егор не знал точной длины местной сажени, но шагами намерил чуть больше семидесяти метров.

Военные наблюдатели ждали у ворот. Рыжего звали Неждан, второго, с тяжёлой челюстью и седой прядью, — Бран. Неждан следил за каждым узлом с любопытством. Бран объявил, что по приказу Веслава верёвку следует от-
дать войску.

Ина подняла дощечку с печатями трёх глашатаев.

— Она записана для городской разведки.

— Теперь всё записано для обороны.

— Тогда распишись, что остановил обследование в первый час первого дня.

Бран посмотрел на Дарью. Та стояла у ворот с медной трубой и уже приготовила резец.

— Я не останавливаю, — сказал он. — Я наблюдаю.

— Хорошее начало, — заметил Егор.

Бран не улыбнулся.

До ближайшего входа шли по переулкам старой набережной. Дарья оставалась наверху собирать свидетельства о метках, Март нёс небольшую помпу, снятую с красильного чана. Ина взяла кожаную сумку с инструментами. Кир тащил верёвку кольцами через плечо. За ними увязались человек двадцать, пока Дарья не объявила, что у входа нужны только участники смены, двое военных и два свидетеля от квартала.

Вход оказался люком в полу соляного склада. Внизу пахло рассолом и старым деревом. Егор первым осмотрел лестницу, но не спускался: попросил длинный шест, простучал ступени, потом привязал к концу верёвки камень и опустил в темноту.

Через шесть саженей камень ударился о воду.

— Вчера вода была ниже, — сказал Кир.

— Насколько?

Тот показал ладонью.

Егор поставил мелом первую отметку на стене. Через четверть часа вода поднялась на толщину ногтя.

— Течение есть, — сказал он. — И уровень растёт.

Март установил помпу у края люка. Деревянный цилиндр был величиной с кувшин, внутри ходил поршень с кожаной манжетой. Два клапана из тонкой меди открывались по очереди. Для осушения хода такая игрушка почти ничего не значила, зато могла подавать воздух по кожаному рукаву.

Егор опустил рукав на лестницу и попросил Марта качать. На нижней ступени ощутил ладонью слабое дуновение.

— До воды достанет, — сказал Март. — Дальше рукава нет.

— Пока и не надо. Сегодня не строим чудо. Сегодня узнаём ход.

Он разложил снаряжение на сухом полу. Три верёвки: направляющая, личный конец и короткая связь между ныряльщиками. Два ножа в ножнах, привязанных к запястьям. Ка-

мень-груз на отдельном шнуре. Глиняная лампа для проверки воздуха только в сухой части. Мешочек мела. Никаких дыхательных камней.

— Я иду первым, — сказал Кир.

— Нет.

— Я знаю дорогу.

— Поэтому пойдёшь вторым и будешь показывать. Первый встречает то, чего вчера не было.

Ина затянула пояс на талии.

— Тогда я первая. Ты не знаешь наших решёток.

— У тебя сегодня двоится в глазах?

— Уже нет.

— Тошнит?

— Нет.

— Голова болит?

— Да.

— Значит, остаёшься страхующей.

Она дёрнула ремень так, что пряжка звякнула.

— На сходе сказали: смена принимает тех, кого считает нужным. Я считаю себя нужной.

— А я отвечаю за порядок спуска и не беру человека после удара по голове под воду в тот же день.

— Вот оно, ваше право на отказ? Ты можешь отказать за меня?

Егор присел перед ней, чтобы не говорить сверху вниз.

— Ты вправе отказаться от опасной работы. Но не впра-

ве заставить остальных принять риск, который сама сейчас не можешь оценить. Сегодня твоя работа здесь: держать мой конец, смотреть на уровень воды и вытащить нас по трём рывкам. Завтра лекарь проверит тебя ещё раз.

— А если я скажу, что не буду страховать?

— Не пойдём.

Ина долго смотрела на него. Потом взяла верёвку и обернула её вокруг деревянного столба, чтобы удерживать не силой рук, а трением.

— Завтра я спускаюсь.

— Если Корн разрешит и пробу пройдёшь.

— Какую ещё пробу?

— С закрытыми глазами найдёшь нож, подашь все сигналы и выберешься из петли, которую сама не видишь.

— Придумаешь ещё что-нибудь?

— Обязательно.

Март кашлянул, пряча улыбку.

Бран шагнул к люку.

— Приказ требует военного человека в каждом входе.

— Вы оба останетесь здесь, — сказал Егор. — Так военный человек будет у входа всё время.

— Я иду вниз.

— Умеешь нырять в затопленных подвалах?

— Плаваю.

— Это не одно и то же. В воде над головой нельзя всплыть где захочешь.

— Значит, Неждан останется.

— Нет.

Бран положил ладонь на меч.

— Ты забываешь, кто за кем наблюдает.

Егор поднял личный конец верёвки.

— Не забываю. Если пойдёшь без подготовки, мы будем спасать тебя вместо разведки. Хочешь вниз — проходишь сухую пробу.

Он велел Марту натянуть между столбами вторую сеть, повесил к ней старые мешки и накрыл сверху брезентом. Получился низкий тёмный лаз. Внутри Егор перехлестнул свободную верёвку вокруг двух мешков.

— Проползи с закрытыми глазами. Найди запутанный конец, освободи его ножом, но не перережь основной. По пути подай сигнал каждые десять движений.

— Детская игра.

Бран полез под брезент. Через минуту ткань заходила ходуном. Послышалась ругань. Он выбрался с петлёй вокруг сапога и порезанной основной верёвкой.

Неждан отвернулся, но плечи у него дрожали.

— Ещё раз, — потребовал Бран.

— После того как свяжем конец. Сегодня остаёшься наверху.

Бран мог ударить. Вместо этого он посмотрел на собственный разрез и сунул нож в ножны.

— Три рывка — тащим?

— Немедленно. Не ждёте четвёртого и не спорите.

Егор снял чужую куртку, остался в рубаше и плотных штанах. Обувь решил оставить: босая нога легко попадёт между камнями. Ина туго примотала единственный сапог и холщовую обмотку к щиколоткам. Кир надел кожаный нагрудник Стожа, слишком широкий в плечах.

— До воздушного кармана семь саженей, — сказал он. — Потом коридор вправо. Там решётка, за которой его прижало.

— Сколько времени под водой?

— Если быстро, сорок ударов сердца.

— Быстро не пойдём. Сначала я, за мной ты на расстоянии вытянутой руки. Короткая связь между нами не натягивается без нужды. Если я остановился, не толкай. Один рывок вверх каждые десять счётов. Возвращаемся по первому сомнению.

— А Стож?

— Цель — дойти до кармана, проверить путь и вернуться. Если тело доступно без нового риска, вынесем. Если нет — второй спуск.

Кир кивнул не сразу.

Егор трижды вдохнул спокойно, без жадных глубоких вдохов. Гипервентиляция обманывала тело и могла выключить человека раньше, чем он почувствует беду. Объяснять это сейчас было некогда; он только остановил Кира, когда тот начал часто набирать воздух.

— Дыши обычно. Последний вдох — полный, не до боли.

Они спустились по лестнице. Вода обожгла холодом пояс, грудь, шею. Егор проверил нож, дёрнул один раз и услышал сверху приглушённый ответ Ины — один рывок.

Потом погрузился.

Тьма сомкнулась сразу. Не такая, как ночью, где глаза находят край окна или отблеск неба. Вода давила на веки, лезла под ворот, глушила все звуки. Егор вытянул левую руку вдоль стены, правой держал направляющий конец. Каменные ступени уходили вниз и поворачивали.

Он считал движения.

На восьмом ладонь встретила ржавую скобу. На двенадцатом верёвка легла поперёк острого края. Егор остановился, отвёл её ниже и закрепил короткой петлёй вокруг целого камня. Дёрнул один раз.

Сверху ответили.

Кир коснулся его пятки. Егор подождал, пока короткая связь ослабнет, и пошёл дальше. В груди уже росло знакомое требование вдохнуть, ещё слабое, терпимое.

Впереди вода посветлела. Он поднял голову и пробил поверхность.

Воздушный карман был низким: между водой и сводом оставалось две ладони. Егор не стал сразу дышать полной грудью. Поднёс к лицу мокрый рукав, сделал короткий пробный вдох. Воздух пах плесенью, но не вызывал рези. Кир вынырнул рядом и шумно втянул его.

— Медленнее.

— Здесь был Стож.

На стене белела царапина, похожая на букву С. Из воды торчал обломок решётки. За ним коридор уходил ниже.

Егор дёрнул направляющий конец один раз. Ответ пришёл с задержкой, но пришёл.

— До тела ещё далеко?

— За поворотом.

Егор проверил запас сил. Холод уже сводил пальцы. Они достигли заявленной цели; дальше начиналась другая работа.

— Возвращаемся.

— Мы дошли.

— И должны доказать, что можем выйти.

Кир ударил ладонью по воде.

— Он лежит в двадцати шагах!

— А Ина наверху ждёт нас в назначенное время. Если задержимся, она даст три рывка. Мы вернёмся, согреемся, возьмём свет и носилки.

— Ты всё превращаешь в порядок.

— Потому что вода превращает ошибку в тело.

Кир отвернулся к решётке. Потом провёл пальцами по царапине Стожа и первым взялся за верёвку назад.

Возвращение оказалось труднее. Течение тянуло в боковую щель, которой Егор не почувствовал при входе. У закреплённой петли конец дрожал. Он пропустил Кира вперёд,

сам задержался и ощупал камень.

Тот качался.

Егор снял петлю, перенёс ниже. В этот миг сверху пришли два резких рывка: выбрать слабинку.

Он ответил одним. Ина поняла.

На лестнице их встретили руки. Бран ухватил Кира за пояс, Неждан помог Егору подняться. Ина завернула обоих в сухие шкуры и только потом начала ругаться за задержку.

— Одиннадцать счётов сверх уговорённого.

— Камень под креплением шатался.

— Поэтому я выбрала слабинку. Ещё пять счётов — дала бы три.

— Правильно.

Бран смотрел на них иначе. Не дружелюбно, но уже без прежней уверенности.

— До чего дошли?

— До первого воздушного кармана. Дальше без света не идём.

— Полководец велел проверить ход сегодня.

— Мы его проверяем. Следующий спуск после согрева-ния и подготовки.

— Сколько ждать?

Егор показал ему дрожащую руку.

— Пока она не перестанет дрожать. Можешь приказать раньше, но сам видел сухую пробу.

Бран промолчал.

Март тем временем разобрал помпу. Кожаная манжета пропускала воздух, а короткий рукав треснул у шва. Ина, сидя у жаровни, показала, как класть двойную полосу кожи и прошивать её сыромятной нитью. Неждан крутил ворот помпы и задавал столько вопросов, что Бран велел ему замолчать.

Через час они были готовы. На этот раз Ина прошла сухую пробу с закрытыми глазами, нашла нож, освободила ложную петлю и ни разу не перепутала сигналы. Корна рядом не было, и Егор всё равно не пустил её в воду.

— Ненавижу тебя, — сказала она.

— До завтра можно.

Во второй спуск пошли Егор и Кир. Они взяли глиняный фонарь в промасленном кожаном чехле, сухую трutowую коробку и вторую линию для тела Стожа. Воздушный карман прошли быстрее. За решёткой пришлось нырнуть ещё раз, но всего на несколько движений.

Стож лежал там, где описывала Ина. Каменная плита прижала обе ноги. Сдвинуть её вдвоём было невозможно. Егор ощупал свод, нашёл свежую трещину и остановил Кира, когда тот полез за верёвкой под плиту.

— Не трогаем.

— Мы за ним вернулись.

— Свод держится на этой плите. Потянешь — ляжет всё.

Кир зажал рот кулаком. Вода доходила им до груди, фонарь коптил в низком сухом кармане.

— Тогда что скажем его матери?

— Правду. Тело пока нельзя вынести, не обрушив ход.

Егор заставил себя смотреть не на лицо погибшего, а на стены. Рядом со Стожем валялся плоский медный футляр. Его крышку заклинило камнем. На футляре стояла волчья голова Кроя.

— Это было у него? — спросил Егор.

Кир покачал головой.

— У военного мастера. Когда свод пошёл, тот бросил всё и побежал к клетке.

Егор поддел футляр ножом. Крышка открылась. Внутри лежал свёрнутый промасленный лист, сухой несмотря на воду. На нём был нарисован ход под рекой, девять ответвлений и девять зелёных нитей, уходивших к прямоугольникам с подписями.

Егор прочитал первые знакомые названия: «Пекарня», «Соль», «Красильщики».

— Девять домов, — сказал Кир.

— Девять привязок.

Внизу листа стояли даты. Рядом с каждой — число шагов сухого хода. Последняя запись была сделана вчера: двадцать два шага, пекарня Мирки.

Это не было ошибкой старой карты.

Кто-то записал жилой дом, измерил результат и собирался продолжать.

С направляющего конца пришёл один рывок, затем ещё

один после паузы. Обычная проверка Ины.

Егор ответил. Потом завернул карту обратно, сунул футляр под рубаху и закрепил ремнём.

— Уходим.

Кир положил ладонь Стожу на плечо.

— Мы вернёмся с крепями.

Сверху донеслась глухая вибрация. Не сигнал — удар по камню. Потом второй. С потолка посыпалась крошка.

— Сейчас, — сказал Егор.

Они нырнули к решётке. Течение усилилось. За поворотом направляющий конец внезапно натянулся и потянул Егора вперёд.

Три рывка.

Ина приказала вытаскивать.

Кир попытался развернуться к Стожу. Егор схватил его за короткую связь и потянул к выходу. Верёвка пошла быстро, помогая им пройти тёмный участок. В груди горело, ступени не появлялись слишком долго. Потом рука встретила дерево лестницы.

Егора выдернули на воздух. Он успел увидеть лицо Ины и упал на соляные мешки.

— Почему три? — выговорил Кир.

Ина указала на меловую отметку. Вода поднялась сразу на две ладони.

У люка стоял Веслав. Рядом с ним военный мастер держал зелёный жгут.

— Испытание камня в соседней ветви, — сказал десятник. — В ваш ход никто не вмешивался.

Егор поднялся, придерживаясь за столб.

— Уровень изменился здесь. Значит, вмешивались.

— Вы живы.

— Потому что страхующая остановила спуск.

Бран шагнул между ними. Веслав удивлённо посмотрел на своего солдата.

— Было три рывка, — сказал Бран. — Мы тащили по условию.

— Условие чужака не отменяет приказа.

— Приказ был наблюдать. Я наблюдал.

Ина протянула Егору сухую куртку. Он надел её, достал медный футляр и передал Дарье, которая только что спустилась в подвал.

— Это нашли рядом со Стожем. Не раскрывай одна. Здесь карта девяти привязок и вчерашняя запись о пекарне.

Веслав рванулся к футляру.

Дарья отступила за Марта. Неждан опустил копьё поперёк прохода, сам, кажется, не веря, что сделал это.

— Военный документ, — сказал десятник.

— Свидетельство гибели горожанина, — ответила Дарья.

— Получишь копию после открытой записи.

— Крой заберёт подлинник.

— Пусть потребует перед свидетелями.

Она поднялась по лестнице, прижимая футляр к груди.

Март понёс помпу. Ина смотала верёвку, проверяя её локоть за локтем. Кир вышел последним и закрыл люк.

Егор задержался у меловой отметки. Вода медленно подбиралась к новой черте.

Первый день из трёх ещё не закончился. Они нашли путь, доказали работу сигналов и узнали, что девять домов выбраны заранее.

А Крой уже начал следующий опыт.

Глава 5. Девять меловых имён

Карту развернули на прилавке закрытой рыбной лавки. Дарья прижала углы четырьмя каменными гирями, но промасленный лист всё равно пытался свернуться, будто не желал показывать город целиком.

Девять зелёных нитей расходились от подземного хода к прямоугольникам домов. У каждого стояло короткое имя: Пекарня, Соль, Красильщики, Швейный двор, Дом лодочников, Старая баня, Лечебный, Южный амбар, Гончарный ряд. Ни фамилий, ни числа жильцов. Только удобные названия для того, кто смотрел сверху и не собирался входить внутрь.

— Перепиши всё дважды, — сказала Дарья младшему писцу. — Один список понесёт Бран в ратушу, второй останется у меня.

— А подлинник?

— Подлинник увидят в каждом доме.

Писец поднял голову. На щеке у него осталась полоса чернил.

— Военные отнимут.

— Поэтому увидят сейчас.

За окнами набережная уже наполнялась людьми. Весть о карте ушла быстрее глашатайской трубы. Рыбачки захлопывали ставни, подмастерья бежали вдоль стены, хозяйки вытаскивали детей во дворы. Кто-то уже плеснул водой на ме-

ловую метку у соляного склада. Белый круг расплылся по кирпичу мутным пятном.

Дарья схватила трубу и вышла на крыльцо.

— Метки пока не смывать! — крикнула она.

Ответом стал возмущённый гул.

— Хотите оставить нас привязанными?

— Пусть сначала Крой сам здесь подышит!

— Воду несите!

Дарья подняла трубу обеими руками.

— Если смоем сейчас, завтра нам скажут, что знаков не было. В каждом доме ставим двух свидетелей. Открываем окна и двери. Детей, стариков и тех, кому трудно дышать, выводим во двор. Метку обводим углём, записываем место, и только тогда смываем. Ни один военный мастер не остаётся с ней наедине.

Люди не успокоились, но начали слушать. Это было всё, чего она могла добиться за один крик.

Егор стоял у стены лавки, мокрый после хода, в чужой куртке и с верёвкой через плечо. Его руки ещё дрожали от холода. Он смотрел не на толпу, а на крыши домов.

— Что ищешь? — спросила Дарья.

— Куда выходит воздух.

— Из домов?

— Из подземного хода. Если камень вытесняет воду, она должна куда-то уходить, а на её место приходит воздух. Потом этот воздух исчезает в привязанном помещении. Но ход

не может дышать только через камень. Должны быть шахты, щели, старые печные каналы.

Он показал на узкую башенку над баней и на три каменных колпака, торчавших из крыши красильного двора.

— Если найдём естественную тягу, часть работ можно делать без осушения. Хотя бы проветривать карманы перед спуском.

— Идёшь со мной по домам.

— Я пойду по крышам и подвалам.

— Это и есть мои дома сегодня.

Дарья свернула карту, убрала в медный футляр и передала копию Брану. Военный наблюдатель принял дощечку осторожно, словно она могла обвинить и его.

— Доставишь в ратушу при Неждане, — сказала Дарья. — Потом оба вернётесь к Егору.

— У меня приказ не выпускать его из виду.

— Тогда Неждан отнесёт. И назовёт писцу все девять мест вслух.

Неждан побледнел, но взял дощечку.

— Если меня не пустят?

— Кричи под окнами. Для этого не нужна должность глашатая.

Первой была соляная лавка. Метку обнаружили не снаружи, а в комнате над складом, за сундуком вдовы Раты. Белый круг перечёркивала зелёная нить, вмазанная в щель между кирпичами. Рата жила там с двумя дочерьми, зятем, тремя

внуками и слепым братом. На ночь они запирали ставни из-за стрел с другого берега.

Дарья записала восемь имён.

— Зачем им имена? — спросила младшая дочь Раты. — На карте написано «Соль».

— Затем, что воздух исчезнет не у соли.

Егор отодвинул сундук и провёл ладонью вдоль пола. Потом попросил свечу. Пламя у стены наклонилось к щели.

— Тянет вниз, — сказал он. — Здесь старый канал.

Рата перекрестила грудь двумя пальцами.

— Под лавкой погреб, а не ход.

— Погреб может соединяться с ним трещиной. Где вход?

Люк нашли под мешками. Внизу пахло солью, мышами и сырой кладкой. Егор обвязался верёвкой, но спускаться велел Брану: лестница была сухой и крепкой, а военный всё утро требовал полезной работы. Сам он остался наверху, держал конец и спрашивал через каждые несколько ступеней, что тот видит.

— Свод. Бочки. Камень выпал из стены.

— Поднеси свечу к отверстию, но руку не суй.

Пламя погасло.

Бран выругался и полез обратно.

— Там дует.

— Значит, канал живой. Закрывать наглухо нельзя. Поставим решётку, чтобы никто не пролез, и заслонку, которую можно открыть снаружи.

— А метка? — спросила Рата.

Дарья обвела белый круг углём. Писец зарисовал его на дощечке, Рата и два соседа поставили свои знаки. Только после этого дети принесли воду. Зелёный жгут пришлось вынимать ножом. Он уходил в кладку на длину пальца и был тёплым, хотя стена оставалась холодной.

Егор завернул обрезок в ткань.

— Руками больше не трогать. Мы не знаем, что он делает после запуска.

— Зато знаем, что с ним сделать до запуска, — сказала Рата и вылила второе ведро на белый круг.

На улице Дарья добавила к названию дома восемь имён. Получился первый столбец, слишком длинный для военной карты.

У красильщиков жили двадцать три человека. Работали сорок один. Меловой знак спрятали за чаном с дубильной жижей, где его нельзя было увидеть, не отодвинув тяжёлую крышку. Хозяин двора клялся, что впервые замечает нить. Один из работников, седой Овдей, молчал и тёр ладонь.

Дарья заметила белую пыль у него под ногтями.

— Кто велел нарисовать?

Овдей оглянулся на ворота.

— Я стену белил.

— Стену белили месяц назад. Мел свежий.

— Не знаю.

— На сходе ты будешь отвечать перед соседями, не перед

Кроем.

Овдей сжал пальцы в кулак.

— Пришли двое из инженерной сотни. Сказали, проверяют трещины перед паводком. Велели освободить кирпич и никого не подпускать. Дали мешок крупы.

— Когда?

— Три дня назад.

— Ты знал про воздух?

— Сказали, из стены потянет сыростью. Я не знал. Клянусь детьми.

Работники заговорили разом. Кто-то потребовал выгнать Овдея, кто-то схватил его за ворот. Дарья ударила трубой по медному ободу чана.

— Отпустили! Он скажет это открыто. Кто ударит свидетеля, поможет спрятать приказ.

Овдея выпустили. На шее у него остались красные полосы.

Егор не участвовал в споре. Он снял кожаный фартук, попросил длинную жердь и поднялся на крышу. Дарья видела, как он поочерёдно накрывает каменные колпаки мокрой тканью. У третьего ткань втянуло внутрь.

— Этот канал идёт вниз! — крикнул он. — Где топка под ним?

Снизу ответили, что топку заложили ещё при старом князе. Пришлось разбирать кирпичи. За ними открылся узкий вертикальный колодец, забитый птичьими гнёздами и сажей.

Егор не обещал, что шахта спасёт подземный ход. Он велел очистить только верхние два локтя и проверить тягу дымом, прежде чем лезть глубже.

— Почему не открыть целиком? — спросил хозяин.

— Потому что мы не знаем, куда она выходит вниз. Если там скопился плохой воздух, он пойдёт сюда. Сначала верёвка, свеча и человек снаружи.

Дарья записала и это. Чем дольше она шла рядом с Егором, тем яснее понимала: его право на отказ состояло не из одного слова «нет». За ним всегда следовало «вот что можно сделать сейчас». Наверное, поэтому даже сердитые люди слушали его дольше, чем солдат с приказом.

В швейном доме метка была на потолке общего чулана. Там спали подмастерья, которым не хватало места в комнатах. В лечебном — под лестницей возле палаты горячечных. В старой бане — в замурованном оконце парной, где ночевали семьи с сожжённой окраины. Ни одно место не пустовало.

К полудню на дощечках Дарьи было сто семь имён постоянных жильцов и ещё восемьдесят шесть тех, кто проводил в отмеченных зданиях большую часть дня. Она не включала посетителей лавок и больных, которых могли принести завтра. С каждым домом список становился менее точным и оттого страшнее: военная карта обещала определённое число сухих шагов, не зная даже приблизительно, сколько людей за них заплатят.

У Дома лодочников Кира встретила мать Стожа. Её звали

Лада Ошень, хотя Кир приходился ей племянником. Она уже знала, что тело осталось под плитой.

— Покажи, где он лежит, — сказала она Егору.

— Сейчас не могу провести вас туда безопасно.

— Я не прошу вести. На карте покажи.

Егор разложил копию на перевёрнутой лодке и отметил место за первой решёткой. Не сказал, что обязательно вынесет погибшего. Сказал, какие крепі понадобятся и почему до них нельзя двигать плиту.

Лада выслушала, не перебивая.

— Стож умел отказываться?

— В последний раз отказался. Его заставили продолжить.

— Значит, умер не потому, что струсил.

— Нет.

Она кивнула и повела их в дом. Метка находилась в общей кухне, за поленницей. Здесь Дарья насчитала тридцать два жильца. Большинство были лодочниками и перевозчиками, которые спорили с военными из-за изъятия лодок. Теперь выбор домов уже нельзя было назвать случайным.

— Соль не отдала запас без городской расписки, — перечисляла Дарья, стоя перед белым кругом. — Красильщики отказались шить палатки бесплатно. В швейном доме выбрали второго глашатая. Лодочники потребовали вернуть суда. В бане живут люди с окраины, которые жаловались на солдат. В лечебном лекарь Корн не подписал приказ выписывать раненых раньше срока.

— Южный амбар городской, — сказал Бран.

— Его ключи у счётной палаты, а не у военного казначея.

Бран посмотрел на список.

— Гончары?

— Они делали кувшины для запаса воды и отказались отдать все под масло для стрел.

— Пекарня?

— Мирка публично спросила Кроя, сколько дней продлится военный срок.

Неждан вернулся из ратуши запыхавшийся. Дощечки при нём не было.

— Писец принял копию, — сказал он. — Веслав хотел запереть меня в караульной. Но я назвал дома из окна. На площади слышали.

— Все девять? — спросила Дарья.

— Дважды. Потом меня вытолкнули.

Он показал разбитую губу и улыбнулся так, будто впервые получил удар не зря.

У Южного амбара их ждал Радомир Крой.

Полководец приехал без знамени, с шестью всадниками и военным мастером. На нём не было доспеха, только тёмный кафтан с застёгнутым воротом. Он спешил перед толпой и не стал спрашивать, откуда у Дарьи карта.

— Вы нарушили сохранность военного документа, — сказал он.

— Документ найден рядом с погибшим горожанином в

ходе, куда вы послали его после отказа.

— Стож погиб при обрушении. Виновата старая кладка.

— Приказ продолжать работу отдал ваш мастер. Это подтвердили трое.

Крой перевёл взгляд на Брана и Неждана. Оба выпрямились.

— Я разберусь со своими людьми.

— Город разберётся с гибелью своего жителя.

— Если город переживёт осаду.

Он говорил негромко, но люди стихли. Крой умел не перекрикивать площадь, а заставлял её наклоняться к каждому слову.

— За рекой стоят четыре тысячи, — продолжил он. — Через одиннадцать дней вода снесёт нижние укрепления. Подземный ход выводит к их обозу. Если мои люди пройдут по нему, осада закончится за ночь.

Дарья подняла исписанные дощечки.

— Вот цена этой ночи. Сто семь постоянных жильцов только в пяти домах, которые мы успели проверить. Работников и больных почти столько же.

— Вы открыли окна.

— В пекарне люди падали у открытой двери.

— Первый опыт был неточен. Теперь мастер рассчитывает время. Помещения освободят.

— Почему тогда выбраны жилые дома, а не пустые сараи?

Крой не отвёл глаз.

— Потому что пустых сараев рядом с каждой ветвью нет. И потому что эти кварталы хуже других исполняют военные распоряжения. Их жители пользуются защитой стены, но мешают тем, кто её держит.

По толпе прошёл звук, похожий на порыв ветра. Дарья ожидала оправданий, ссылок на ошибку, обещания расследовать. Прямой ответ оказался опаснее лжи.

— Значит, карта составлена как наказание? — спросила она.

— Как выбор меньшей потери. Если враг войдёт после паводка, погибнут тысячи. Я рискую сотнями, которые ещё можно вывести.

— Вы не записали ни одного имени.

— Имена не меняют счёт.

— Счёт без имён позволяет положить одного человека дважды и ни разу не заметить.

Крой посмотрел на Егора.

— Ты понимаешь, о чём я. На спасательных работах выбирают, к кому идти первым. Иногда оставляют тех, кого уже не достать.

Егор стоял у открытых ворот амбара. За его спиной Март и двое подмастерьев исследовали старую вытяжную трубу.

— Выбор делают, когда нельзя спасти всех, — ответил он.

— А не назначают заранее, кого запереть без воздуха, потому что он спорил с начальством.

— У тебя есть другой способ провести сотню бойцов под

рекой?

— Нет.

Толпа качнулась. Дарья почувствовала, как одно короткое слово обрадовало военных.

Егор продолжил:

— Поэтому я не поведу туда сотню бойцов. Сначала проверю, можно ли пройти малой сменой, восстановить вентиляционные шахты и поставить помпы. Это медленнее.

— Медленнее значит поздно.

— Возможно.

— Ты предлагаешь городу проиграть чистыми руками.

— Я предлагаю не считать убийство жителей способом их защитить.

Крой сделал шаг к нему.

— А если через одиннадцать дней враг вырежет их вместе с детьми?

— Тогда это будет вина врага. А если вы отнимете у них воздух сегодня, это будет ваша.

Дарья видела, как Егор заставляет себя не обещать победу. Площадь хотела обещания — простого, твёрдого, такого же удобного, как зелёные линии на карте. Он не дал его. Вместо этого Март вынес из амбара ржавую заслонку.

— Шахта есть! — крикнул мастер. — Забита, но тяга живая. Если расчистим с двух сторон, помпа сможет гнать воздух в нижнюю галерею.

— В одну ветвь, — уточнил Егор. — И только после про-

верки дымом.

Крой усмехнулся.

— Одна ветвь из девяти. За половину дня.

— Пять шахт из шести проверенных домов, — сказала Дарья. — Вы знали о них?

Военный мастер рядом с Кроем переступил с ноги на ногу.

— Старые планы неполны.

— Но привязки на них нанести сумели.

Дарья достала трубу. До вечернего схода оставалось три часа, но решение требовалось сейчас: всадники стояли у метки, в воротах амбара ждал мастер с зелёным жгутом, а в домах люди не знали, бежать им или защищать стены.

— Открытое слушание у Южного амбара! — объявила она. — Свидетели от каждого отмеченного дома — вперёд. Остальные оставляют проход к воротам. Писцы записывают каждое решение.

— У тебя нет второго глашатая, — сказал Крой.

— Для слушания достаточно одного. Для решения позовём квартальных выборных.

Они пришли быстрее, чем Дарья ожидала. Кто-то привёл Мирку из пекарни, кто-то лекаря Корна. Рата принесла мокрый обрезок зелёного жгута. Овдей сам вышел перед людьми и рассказал о двух мастерах и мешке крупы. Его освистали, но не ударили.

Дарья читала имена. Не все сто семь — на это ушёл бы час.

По одному из каждого дома, затем число жильцов, работников, больных и ночующих. После каждого названия свидетель подтверждал место метки. Писцы складывали зарубки. Крой не вмешивался.

Когда перечень закончился, Дарья задала вопрос:

— Разрешает ли город считать эти дома платой за осушение военного хода?

— Нет! — крикнул кто-то.

— По порядку, — сказала она. — Каждый квартал отвечает отдельно.

Это заняло дольше. Люди спорили. Купец с Верхней площади говорил, что при эвакуации риск можно принять. Лодчики требовали навсегда разбить камни. Лекарь Корн объяснял, что вывести больных из лечебного дома быстро невозможно. Женщина из гончарного ряда спросила, кто защитит пустые дома от грабежа. Солдатская вдова сказала, что её сын за стеной и ему тоже нужен удар по врагу.

Дарья не торопила. Решение, принятое одним криком, Крой назвал бы испугом толпы. Каждый довод записывали. Егор предложил немедленно снять все девять привязок, сохранить жгуты как свидетельства и выставить у найденных шахт городские караулы. Март обещал к утру очистить первую вытяжку и собрать большую помпу из кожевенных мехов. Он не обещал провести войско.

Крой дал своё предложение: освободить дома, оставить метки и провести один полный запуск под надзором города.

Победа, сказал он, требует не веры, а расчёта.

Кварталы голосовали камнями в две корзины. Белый — оставить привязки для опыта. Чёрный — снять их до решения нового схода. Дарья сама не касалась корзин. Их пересчитали Рата, солдатская вдова и Неждан.

Пять белых. Сорок три чёрных.

— Город запрещает считать отмеченные дома военным запасом, — объявила Дарья. — Все девять привязок снимаются при свидетелях. Карта и жгуты хранятся у трёх кварталов порознь. У вентиляционных шахт ставится караул. Любой запуск дыхательного камня до нового решения схода считается нападением на жителей.

Крой застегнул перчатку.

— Через одиннадцать дней вы попросите меня открыть ход.

— Тогда вы снова назовёте цену вслух.

— Цена станет выше.

— Значит, и имён будет больше.

Он сел на коня. Перед отъездом задержался рядом с Егором.

— Три дня, чужак. Потом город увидит, чего стоит твоя медленная честность.

— Увидит, — сказал Егор.

Военные уехали к ратуше. Бран остался, хотя Крой даже не обернулся проверить, следует ли он за ним.

К вечеру смыли последнюю метку. Дарья прошла все де-

вать мест снова. У каждой стены стояли двое свидетелей, а вынутый зелёный жгут заворачивали в отдельную тряпицу и подписывали. В лечебном доме Корн открыл окна, но не вынес горячечных на улицу: холод мог добить их быстрее нехватки воздуха. Егор оставил там человека со свечой и велел следить за пламенем.

На крыше старой бани Март расчистил каменный колпак. Из шахты дохнуло сыростью. Пламя у отверстия дрогнуло и вытянулось вверх.

— Тянет из хода, — сказал Егор. — Слабо, но тянет.

Он выглядел усталым, губы ещё не вернули цвет после спусков. Дарья протянула ему кружку горячей воды с мятой.

— Сегодня город выбрал твой способ.

— Нет. Сегодня город отказался от способа Кроя. Мой ещё должен заработать.

— Никогда не берёшь победу авансом?

— Брал. Поэтому меня отстранили не сразу.

Дарья не стала спрашивать. Внизу люди передавали из рук в руки корзины с сажей и птичьими гнёздами. Ина, вернувшаяся от лекаря, спорила с Мартом о кожаной манжете для большой помпы. Кир сидел на краю крыши и вырезал на деревянной планке имя Стожа — для крепи, которую собирались поставить над его телом.

Дарья разложила дощечки на тёплых камнях. На военной карте было девять названий. В её записи оказалось двести с лишним имён и несколько пустых строк для тех, кого сего-

дня не застали.

Она оставила строки пустыми.

Неизвестный человек тоже не становился расходом.

Глава 6. Колокол из бочки

Бочку Март выбрал винную, на двадцать вёдер, с дубовыми клёпками толщиной в два пальца. Она стояла в подвале старой бани и пахла кислым вином сильнее, чем весь подвал — сыростью.

— Если перевернуть, воздух останется внутри, — сказал Егор.

Март заглянул в открытое днище, которое уже успел снять.

— Это я понял. Не понял, почему вода не войдёт до самого верха.

Егор взял пустую кружку, перевернул и погрузил в кадку. Вода поднялась внутри на палец, потом остановилась. Он наклонил кружку. Из-под края вырвался пузырь, и вода вошла выше.

— Пока воздух не выпускаем, он держит воду. Чем глубже опустим, тем сильнее его сожмёт. Поэтому людям внутри придётся добавлять свежий воздух помпой.

— Моей помпой, — напомнил Март.

— Если починим клапаны.

— Уже починили.

— Если рукав выдержит.

— Ина прошила двойным швом.

— Если хватит людей качать без перерыва.

Март нахмурился.

— Ты умеешь радоваться хоть одному готовому делу?

— Когда оно выдержало пробу.

Вокруг них работало полдвора. Ина вымачивала толстую кожу для соединительных рукавов. Кир с лодочниками оплетал бочку верёвочной сеткой. Бран и Неждан таскали из оружейной свинцовые слитки — не по приказу Кроя, а по расписке Дарьи, которую оружейник прочитал вслух при свидетелях. На крыше бани люди выгребали из вентиляционной шахты гнёзда и битый кирпич.

Первую шахту удалось открыть до нижнего колодца. Тяга стала сильнее, но путь к затопленной галерее перегораживал завал. Разобрать его сверху было нельзя. Колокол давал возможность посадить человека над водой у самого завала и работать дольше одного вдоха.

Егор обошёл бочку, проверяя каждую клёпку. В нижний обруч вдели четыре железные скобы. К ним подвязали грузы. Отдельная верёвка шла к вороту на берегу, две другие удерживали колокол от вращения. Внутри Март прибил узкую скамью и две ручки.

— Скамью ниже, — сказал Егор.

— Тогда человек окажется по пояс в воде.

— Если воздух сожмётся, всё равно окажется. Лучше сидеть устойчиво, чем стукнуться головой о дно бочки.

Ина подняла глаза от шва.

— Верх бочки теперь низ называется?

— Когда перевернём — да.

— Удобный у тебя мир. Всё меняет имя, если поставить вверх ногами.

— В моём мире начальство от этого имени не меняло.

Кир рассмеялся впервые после находки Стожа. Смех тут же оборвался, но Егор заметил: плечи у парня немного опустились.

Проверку начали не в подземном ходе, а у причала. Бочку закатили в мелкую заводь, закрепили на порталном входе для лодок и опустили на полсажени. Внутри посадили мешок с сухой золой. Через десять минут подняли. Нижняя половина мешка намокла, верхняя осталась сухой.

— Работает, — сказал Март.

— На полсажени, без человека и течения.

— Опять.

— Теперь проверим подачу воздуха.

К кожаному рукаву присоединили медную трубку, введённую через днище бочки и загнутую вниз. Четверо подмастерьев взялись за рычаги помпы. Когда они качнули первый раз, из-под края колокола вырвался большой пузырь.

— Медленнее! — крикнул Егор. — Воздух должен обновляться, а не выбивать колокол из воды.

Март прикрыл заслонку. Подмастерья поймали ритм: нажим, вдох, нажим, вдох. Егор велел им меняться каждые сто движений, не дожидаясь усталости. На третьей смене внутрь полез Бран.

— Сначала я, — сказал Егор.

— Ты нужен внизу, если что-то сломается. Я нужен наверху меньше.

Это была неплохая мысль, но сказана она была так, будто Бран назначал цену себе по военной ведомости.

— Наверху ты держишь боковой конец, — ответил Егор. — Если колокол перекосит, твоя работа решит, выйду ли я. Не дели людей на нужных и ненужных.

Он забрался под край, нащупал скамью и дал знак опускать. Холодная вода поднялась до живота. Свет померк, берег расплылся за зеленоватой толщей. Потом голова Егора оказалась в воздушном кармане.

Бочка усиливала каждый звук. Скрип ворота гудел, как ломающееся дерево. Воздух из медной трубки бил в щёку тёплыми толчками. Пахло кожей, вином и речной тиной.

Он следил за дыханием и пламенем маленькой лампы. Первые две минуты фитиль горел ровно. Потом вытянулся и закоптил. Егор дёрнул сигнальный конец один раз: увеличить подачу. Помпа заработала чаще. Пламя выправилось.

Через десять минут он дал два рывка — поднимать. На поверхности записал: четыре человека качают, смена каждые сто движений, заслонка открыта наполовину. Март спорил, что двое справятся не хуже. Тогда внутрь сел он сам, а помпу оставили двоим.

Через шесть минут из бочки пришли три рывка.

Бран и Кир навалились на ворот. Колокол показался над

водой, Март вылез красный, тяжело дыша.

— Не хватило? — спросил Егор.

— Воздух шёл. Но голова стала пустая.

— Пламя?

— Коптило.

Егор посмотрел на двух подмастерьев. Оба качали из последних сил, хотя прошло всего несколько минут. Кожаные манжеты пропускали часть воздуха обратно; на каждом ходе рычага слышалось мокрое чавканье.

— Четверо нужны не для силы, — сказал он. — Чтобы держать ровный ритм и меняться раньше усталости. Для одного колокола — четверо у помпы, двое на воротах, двое на концах и один запасной.

— Девять человек ради одного под водой, — подсчитал Бран.

— Ради двух, если тесно сядут.

— Сотню бойцов так не провести.

— Я и не обещал.

К полудню колокол перенесли к подвалу соляной лавки. Там старый канал уходил к боковой галерее, где вода стояла почти под потолком. Вход был уже, чем винная бочка. Пришлось снять наружные обручи, протащить клёпки по одной и собрать заново внизу.

Рата охраняла люк с кухонным тесаком. Каждому входящему она велела назвать своё дело. Даже Дарья ответила: «Записываю смены и свидетелей».

— А я никого не пускаю без ответа, — сообщила Рата.

Егор одобрил. После вчерашнего решения Крой не пытался вернуть привязки, но военных мастеров никто не видел. Это тревожило больше открытого караула.

В подвале колокол подвесили над чёрной водой. До завала по плану было тридцать шагов. Егор хотел сначала пройти с Киром вдоль направляющей и закрепить два боковых конца. Ина должна была сидеть в колоколе, следить за подачей воздуха и принимать их по одному.

— Вчера ты не пустил меня после удара, — сказала она.

— Сегодня Корн разрешил сухую работу и короткое погружение. В колоколе ты не плывёшь.

— А если придётся выйти?

— Тогда возвращаешься по своему концу. Покажи нож.

Она показала. Потом с закрытыми глазами нашла ручку, сигнальный конец и зажим рукава. Егор нарочно обернул свободную верёвку вокруг её локтя. Ина освободилась, не перерезав основную.

— Годится?

— Годится.

Бочка ушла под воду. Ина сидела внутри одна. На поверхности четверо качали помпу, Март слушал клапаны, Дарья отмечала время. Когда от Ины пришёл один рывок, Егор и Кир погрузились.

Направляющий конец вёл через пролом. Течение здесь было слабее, чем у тела Стожа, но вода несла мелкий мусор.

Егор ощутил под ладонью прут, обломок черепицы, скользкую тряпку. Через двадцать движений над головой показалось тёмное пятно бочки.

Он поднялся под край и вдохнул.

Ина сидела по грудь в воде. Лампа горела ровно.

— Пахнет вином, — сказала она.

— Лучше, чем гарью. Голова не кружится?

— Нет. Рукав дёргается на каждом ходе.

Кир вынырнул рядом. Вдвоём они едва помещались; плечи упирались в стенки. Егор дал сигнал помпе увеличить подачу. Пузырь воздуха вышел из-под края, колокол качнулся.

— Не чаще, — сказал он Ине. — Передай уменьшить.

Она дёрнула конец. Ритм выровнялся.

До завала оставалось десять шагов. Егор оставил Ину в колоколе, а сам с Киром нырнул дальше. Камни перекрывали галерею не полностью. Под потолком зияла щель, откуда тянуло слабым потоком. За ней могла быть очищенная сверху шахта старой бани.

Егор закрепил боковой конец и начал разбирать мелкие обломки. Каждый камень передавал Киру, Кир складывал их у стены. Через несколько минут пришлось вернуться в колокол.

Воздух там стал тяжелее. Лампа коптила.

— Почему не дала сигнал? — спросил Егор.

— Дала один на увеличение. Ответа нет.

Он взял рукав. Тот ещё вздрагивал, но слабее. Три рывка

— поднимать — здесь не помогли бы: над бочкой был каменный свод. Сигнал означал немедленно возвращаться самим.

Егор дёрнул трижды. Ина уже взяла свой конец.

— Кир первый, потом ты, потом я.

— Почему ты последний?

— Потому что знаю путь и проверю, что рукав не зацепил вас.

Кир ушёл. Ина задержалась у края.

— Не жди долго.

— Иди.

Когда она исчезла, Егор наклонил лампу. Пламя почти погасло. Он сделал короткий вдох, нырнул и двинулся по верёвке. У пролома рукав действительно обернулся вокруг бокового конца. Егор освободил его одним движением и почувствовал толчок воздуха. Помпа наверху снова заработала сильнее.

Он всё равно вышел. Нарушать сигнал нельзя даже после устранения причины.

В подвале Март стоял на коленях у помпы. У выпускного клапана лопнула сыромятная петля. Неждан держал кожаный язычок пальцами, пока Ина затягивала новый шов.

— Сколько не было подачи? — спросил Егор.

Дарья посмотрела на насечки.

— Между первым сигналом Ины и восстановлением — сорок семь счётов.

— Слишком долго.

— Запасной клапан сделаем рядом, — сказал Март. — Перекроем один, воздух пойдёт через второй.

— И человек у помпы будет смотреть только на рукав, не качать.

Бран покачал головой.

— Уже десять наверху.

— Одиннадцать, если считать наблюдающего.

— На войне одиннадцать человек делают другое.

— Здесь тоже делают другое. Не умирают из-за одной петли.

Они поднялись во двор передохнуть. Егор едва успел принять миску похлёбки, когда со стороны набережной донёсся треск. Затем закричала женщина.

Рата выскочила из лавки первой. Над старой баней поднялось облако кирпичной пыли.

Егор бросил миску и побежал.

У стены бани провалился кусок мостовой. Яма была не шире тележного колеса, но под ней открылся старый водосборный колодец. Двое мальчишек, таскавших корзины с мусором, исчезли вместе с настилом. Третий висел на краю, уцепившись за балку.

Бран лёг на живот и вытащил его за ворот. Снизу слышался плач.

— Сколько там? — спросил Егор.

— Двое! — выкрикнул спасённый мальчик. — Тишка и Ян!

Егор подполз к краю. Внизу плескалась вода. До поверхности было сажени три. Один ребёнок держался за обломок настила. Второго не было видно.

— Ян под водой! — кричал первый. — Нога зажата!

Колодец соединялся с той самой вентиляционной шахтой. После расчистки вода подмыла старую кладку, и мостовая рухнула. Егор почувствовал короткий укол вины: они проверили тягу, но не прочность верхнего свода.

Разбирать это чувство предстояло позже.

— Верёвочную петлю! Лестницу к краю, не внутрь! — приказал он. — Никому не прыгать.

Кир уже обвязывался.

— Я достану.

— На одном вдохе можешь не найти зажатую ногу. Несём колокол.

— Он в подвале!

— Бочка разбирается. Грузы и сетку сюда, клёпки подадут следом.

Люди побежали к соляной лавке. Егор велел опустить первому мальчику петлю. Тот не мог отпустить доску обеими руками. Бран спустился на отдельном конце до воды, надел петлю ему под мышки и дал сигнал поднимать. Мальчика вытащили кашляющего, с разбитым лбом.

— Ян там, — повторял он. — Ян стучал, потом перестал.

Если второй ребёнок оказался в воздушном кармане под обломками, время ещё было. Если нет, каждая минута

уменьшала шанс.

Колокол собрали у ямы прямо на мостовой. Не хватало места для большого ворота. Кир пригнал лодочный ворот на полозьях, но закрепить его было не за что. Тогда Рата открыла ворота банного двора и показала каменную тумбу для коновязи.

— За неё.

Егор проверил тумбу. Камень сидел глубоко, без трещин. Ворот привязали тремя оборотами каната. Помпу поставили у края, рукав опустили следом за бочкой.

— Я иду внутри, — сказал Егор. — Кир спускается снаружи по отдельному концу. Ина — сигналы. Три рывка от меня: немедленно поднимаете колокол. Три от Кира: поднимаете Кира. Не перепутать концы.

Ина обвязала каждый цветной тряпичей: красная — колокол, синяя — Кир, белая — воздушный рукав.

— Если завал сдвинется?

— Поднимаете обоих. Ребёнка креплю к себе.

Егор забрался в бочку. Грузы качнулись над провалом. Люди медленно отпустили ворот.

Колодец поглотил дневной свет. Стенки колокола скребли по кирпичу. Егор держал ноги поджатыми, чтобы их не зажало между бочкой и кладкой. Вода поднялась до пояса, до груди. Потом колокол остановился.

— Дно! — крикнул кто-то сверху.

До дна было далеко. Грузы легли на обломки настила.

Егор зажёл лампу. Под водой различил косую балку. За ней темнела ниша. Он дождался Кира, который вынырнул под краем.

— Видел его, — выдохнул Кир. — Под балкой, голова в пузыре. Нога между кирпичами. Живой.

— Сначала передай ему короткий конец. Пусть обвяжется под мышками, если может. Не тянем, пока не освободим ногу.

Они набрали воздух и нырнули. Свет лампы из колокола проникал всего на несколько локтей, но этого хватило. Ян лежал в наклонной нише, лицо прижато к маленькому воздушному карману под доской. Глаза были открыты. Увидев Егора, он дёрнулся и хлебнул воды.

Егор поднял его подбородок обратно в карман и вложил верёвку в руку. Показал: вокруг груди. Мальчик понял не сразу. Кир помог ему продеть конец под мышками.

Правая нога Яна застряла между двумя кирпичами и железной скобой. Егор попробовал сдвинуть верхний кирпич. Тот держался под весом балки. Резать сапог было бесполезно: зажало голень.

Он вернулся в колокол.

— Нужен лом, — сказал Кир.

Егор дал два рывка по сигнальному концу: подать слабинку и инструмент. Наверху поняли не сразу. Сначала колокол качнулся, затем вдоль рукава спустили мешок с молотком, зубилом и короткой железной лапой.

Воздух в бочке оставался свежим, но люди у помпы уже сбивали ритм. Толчки шли то часто, то с паузами. Егор представил, сколько рук сейчас сменяют друг друга на рычагах. Колокол спасал время под водой, но пожирал труд наверху.

Они нырнули снова. Егор вставил железную лапу между кирпичом и скобой. Кир упёрся рядом. С первого раза камень не пошёл. Ян забился, и балка посыпала песок.

Егор прижал ладонь к его груди: тихо. Потом показал Киру три пальца. На третий нажим кирпич сдвинулся. Нога освободилась, но балка просела.

Кир потянул мальчика за петлю. Егор поддержал повреждённую ногу. Они вынырнули под колоколом втроем.

Ян закашлялся и закричал от боли.

— Хорошо, — сказал Егор. — Кричи. Только дыши.

Он закрепил ребёнка на себе короткой связью и дал три рывка. Колокол пошёл вверх рывками. Один груз зацепился за балку. Бочка накренилась, воздух с шумом вышел, вода поднялась Егору до подбородка.

— Держи его выше! — крикнул Кир.

Егор посадил Яна себе на плечо, прижимая его голову к верхнему своду бочки. Кир нырнул наружу, освободил груз и дёрнул свой конец. Колокол снова пошёл.

Когда показался свет, сверху протянулись руки. Сначала забрали мальчика, потом Кира. Егор выбрался последним.

Лекарь Корн уже стоял на мостовой. Он разрезал сапог Яна, ощупал голень и велел нести обоих детей в лечебный

дом. Первый мальчик пытался идти рядом, хотя ноги у него дрожали.

Март сел прямо в грязь возле помпы. Две манжеты протекали, новый запасной клапан держался, но рукав у соединения раздулся пузырьём.

— Ещё десять минут, и лопнул бы, — сказал он.

— Сколько людей качали? — спросил Егор.

Дарья перелистнула дощечки.

— Восемь. Менялись каждые пятьдесят движений. Двое держали ворот, четверо боковые концы, Ина следила за сигналами, Март за клапанами.

— Девятнадцать наверху, — сказал Бран. — Ради троих внизу.

— Ради одного ребёнка, — поправила Рата. — Остальные ради него спустились.

Никто не стал спорить.

Егор осмотрел провал. Его собственное решение открыть шахту ускорило обрушение. Они нашли тягу, но не проверили кладку над всем каналом.

— Огородить обе шахты, — сказал он. — Никого на мостовую, пока каменщики не простучат свод. Это моя ошибка. Я велел чистить снизу и сверху, не потребовав проверить землю между ними.

Март поднялся.

— Я тоже видел старую кладку.

— Значит, запишем обоих. И добавим проверку поверх-

ности перед расчисткой.

Дарья уже писала.

— Колокол сработал, — сказала Ина.

— Сработал, — согласился Егор. — Для короткой спасательной работы. С подготовленным воротом, девятнадцатью людьми и двумя отказавшими деталями.

Бран посмотрел в сторону ратуши.

— Крой потребует показать ему.

— Покажем всё: ребёнка, треснувший рукав, число смен и время сборки.

— Он увидит только сухое место под бочкой.

— Тогда ты назовёшь остальное.

Бран не ответил сразу.

— Назову.

К вечеру бочку вернули в подвал. На боку мелом написали: «Два человека. Четыре качают. Двое на вороте. Двое на концах. Один следит за воздухом». Ниже Ина добавила: «После трёх рывков не спорить».

Егор сел рядом со снятым рукавом и начал вырезать повреждённый участок. За стеной равномерно работала помпа. Март испытывал новый клапан без людей под водой: сто движений, смена, ещё сто.

Колокол доказал, что город может добраться туда, куда одного вдоха не хватит. Он же доказал другое: сотня бойцов потребует не одну бочку, а десятки, не одну помпу, а целый двор механизмов, и людей наверху окажется больше, чем под

рекой.

Быстрого хода не получилось.

Зато Ян остался жив.

Глава 7. Первая нехватка

Швейный дом стоял в двух улицах от казарм и никогда не замолкал полностью. Днём там стучали ножные станки, скребли ножницы и перекликались мастерицы. Ночью оставляли две лампы: латали плащи для дозорных, зашивали мешки с крупой, перешивали взрослую одежду детям, которые выросли за осадную зиму. Поэтому тишину в нём заметили не сразу.

Дарья услышала не тишину, а падение табурета.

Она шла от лечебного дома с дощечкой, на которой Корн записал состояние спасённых мальчиков. Ян отделался трещиной в голени и наглотался воды, второй ребёнок разбил лоб. Оба были живы. Дарья собиралась отнести запись в ратушу, когда из распахнутого окна швейного дома высунулась женщина.

— Эй! — крикнула она и вдруг обмякла на подоконнике.

Дарья бросилась к двери. Та не поддавалась. Изнутри её подпирало что-то мягкое и тяжёлое. Дарья ударила плечом, просунула руку в щель и нащупала шерстяной рукав.

— Слышите меня? Отползите от двери!

Никто не ответил.

В окнах горели две лампы. Одна коптила так сильно, что над ней по стене тянулся чёрный язык. Вторая погасла на глазах у Дарьи.

Она сорвала с пояса медную трубу и дала три коротких низких звука — пожар или обвал, всем ближайшим выйти на улицу. Потом крикнула мальчишке у водяной бочки:

— Беги к старой бане. Найди Егора. Скажи: люди падают, лампы гаснут. Не яд — пусть сам решает, но скажи именно так.

Мальчик помчался, а Дарья снова навалилась на дверь. Подошёл булочник с соседнего двора. Вместе они приоткрыли её на ладонь и увидели лежащую поперёк порога девушку.

— Тянем медленно, — сказала Дарья. — За плечи. Не наступи на неё.

Они выволокли девушку наружу. Она дышала часто и мелко, губы посерели. Дарья расстегнула ей ворот, повернула голову набок. Внутри шагнул булочник.

— Стой. Там не хватает воздуха.

— А они там останутся?

— Откроем снаружи всё, что можно. Разбей дальнее окно.

Булочник обмотал руку фартуком и ударил в стекло. Дарья распахнула ставни первого окна. Внутри показались столы, наваленная ткань, люди на полу. Кто-то ещё двигался: пожилая мастерица ползла между лавками, но через два шага легла на локти.

Дарья вдохнула у окна, задержала дыхание и полезла внутрь. Она успела схватить женщину под мышки и протаскать до подоконника. Булочник принял её снаружи. На обратном пути Дарья почувствовала, как пол качнулся, хотя

знала, что доски неподвижны. Воздух хотелось втянуть всем ртом. Она выбралась и согнулась, хватая холод с улицы.

— Больше не лезем, — сказала она.

— Там моя сестра.

— Если упадёшь рядом, нас станет на одного меньше снаружи и на одного больше внутри.

Она ненавидела эту фразу за её сухость. Егор говорил похоже у воды: сначала не утонуть самому. Тогда это казалось правилом ремесла. Теперь перед дверью лежали две женщины, а за окном виднелась рука в красной шерстяной манжете, и правило стало тяжёлым, как запертый засов.

Прибежали Рата и двое грузчиков. Дарья велела разбить остальные окна, но не входить. Рата схватила топор и ударила по ставне снаружи. Из помещения потянуло тёплым запахом шерсти, масла и чего-то сладковатого.

— Всё-таки яд, — сказал один грузчик.

— Не знаю. Не нюхай нарочно.

С дальнего конца улицы появился Егор. Он бежал без куртки, в мокрой рубаше, за ним спешили Ина, Кир и Март. У Марта через плечо висел кожаный рукав от помпы.

Егор опустилсЯ возле первой девушки, приложил пальцы к шее, наклонился к её лицу.

— Сколько вынесли?

— Двоих. Внутри не меньше десяти. Я была там один раз, закружилась голова. Пахнет сладко.

— Судороги, рвота?

— Нет.

Он посмотрел в разбитое окно, затем на чёрный фитиль.

— Огонь погас до того, как ты вошла?

— Да.

— Похоже на нехватку воздуха. Запах может быть от ламп и ткани. Но пока не проверим, считаем, что там может быть и дым, и яд. Кир, обходи дом. Открой заднюю дверь и верхние окна, сам внутрь не заходи. Ина, считай вынесенных и отмечай, кто пришёл в себя. Март, помпу к окну. Рукав внутрь, забор воздуха только с улицы.

— Она для колокола, — сказал Март.

— Сегодня будет дуть в комнату.

Егор оглядел собравшихся.

— Кто может задержать дыхание на счёт двадцать и не станет геройствовать?

Рата подняла руку. Грузчик тоже.

— Рата со мной. Ты остаёшься у окна и принимаешь людей. Дарья, называй время вслух. После двадцати выходим, даже если до человека один шаг. Три удара по раме — вытаскивать нас за верёвку.

Он обвязал себя тонким концом. Второй конец закрепили на Рате. Ина проверила узлы и сунула каждому по мокрой тряпке.

— От нехватки воздуха не спасёт, — сказал Егор.

— Зато не наглотаетесь шерстяной пыли, когда Март раздует её по всему дому.

Егор кивнул. Он вдохнул у окна и перелез внутрь. Рата следом.

— Один, два, три, — начала Дарья.

Они двигались пригнувшись, хотя Егор знал: если воздух исчезает из всей комнаты, у пола его может быть не больше. Но там легче было нащупывать тела и не спотыкаться о лавки. Первая женщина лежала рядом со столом. Егор подхватил её под руки, Рата за ноги.

— Девятнадцать, двадцать!

Они передали женщину через окно и выбрались. Егор сделал два вдоха, проверил пульс вынесенной.

— Жива. Не лейте воду в рот. На бок, ворот открыть.

Помпа загрохотала. Кожаный рукав заплясал на подоконнике, выбрасывая внутрь комнаты уличный воздух. Март ругнулся и привязал его к ножке стола, чтобы конец не бил людей.

Следующий заход принёс сразу двоих: подростка-подмастерья у стены и мастера в кожаном переднике. На счёте восемнадцать Рата показала на ещё одну женщину, лежащую за станком. Егор качнул головой и потащил подростка к окну. Рата послушалась, но, выбравшись, ударила ладонью по раме.

— Мы могли её взять.

— Тогда вышли бы на тридцати. На сорока один из нас остался бы рядом.

— Я могу дольше.

— Пока можешь. Потом ошибёшься один раз.

Рата сжала зубы, вдохнула и полезла обратно по его знаку.

После третьего захода открыли заднюю дверь. Кир не вошёл: топором выбил нижнюю филёнку и через проём оттащил лежавшего у порога мужчину багром за ремень. Воздух пошёл сквозняком. Копоть над лампой дрогнула.

— Теперь быстрее проветрится, — сказал Март.

— Быстрее, но не сразу, — ответил Егор. — Качайте.

Пятую женщину вынесли без сознания и почти без дыхания. Егор положил её на спину, запрокинул голову, убрал нитку, прилипшую к губам, и начал вдвухать воздух. После двух вдохов она судорожно вздрогнула. После четвёртого закашлялась.

— На бок.

Корн прибежал, когда во дворе лежали уже девять человек. За ним несли одеяла и низкие носилки. Лекарь присел возле женщины, которую оживлял Егор.

— Чем отравились?

— Пока не знаю, что это яд. Погасли лампы. У всех слабость и потеря сознания, но нет одинаковой рвоты, слюны или судорог. На улице приходят в себя.

Корн понюхал одежду пострадавшей, осмотрел зрачки.

— От жаровни мог пойти дурной угар.

— Жаровня есть?

— Зимой была.

Дарья спросила пришедшую в себя мастерицу. Та с тру-

дом поняла вопрос.

— Не топили, — прошептала она. — Тепло было. Сначала иглы стали выпадать. Потом все начали зевать.

— Голова болела?

— Тяжёлая... как после бессонной ночи.

Егор посмотрел на стену швейного дома. Пятый адрес на карте. Метку смыли два дня назад и сохранили обломки штукатурки в ратуше. Но привязка могла быть нанесена снова с другой стороны.

— Ина, проверь наружные стены. Ищи свежий мел, надрез, замазанную доску. Не одна — возьми Кира.

Они ушли во двор. Егор с Ратой вернулись внутрь. Теперь там можно было сделать несколько вдохов, но после них во рту оставался вкус горелого масла. На полу лежали ещё четверо. Один мужчина пришёл в себя сам и пытался подняться.

— Ползи к двери, — сказал Егор. — Не вставай.

Мужчина послушался. Последних троих вынесли на носилках. Дарья пересчитала лежащих во дворе.

— Тринадцать.

— В доме больше никого?

Хозяйка, женщина с перевязанными на затылке волосами, шевельнула губами. Дарья наклонилась.

— Тринадцать сегодня. Двое ушли за нитками. Все здесь.

Егор вошёл ещё раз вместе с Корном. Они нашли холодную жаровню без углей. На заслонке лежала пыль, дымоход был закрыт давно. Кувшин с водой стоял общий, но двое по-

страдавших принесли питьё с собой. Еда у людей была разная. Ни один признак не доказывал яд.

На стене под полкой Егор заметил бледный круг, будто доску протёрли влажной тряпкой. Он снял полку. За ней белела новая меловая черта, а в середине было выведено название дома.

Круг сделали изнутри.

— Дарья.

Она вошла до порога, прикрыв рот рукавом.

— Не подходи. Позови двух свидетелей. Пусть смотрят от двери.

Пришли булочник и Рата. Егор показал метку, не касаясь её.

— Этой утром не было, — сказала хозяйка со двора. — Полку вчера снимали, искали катушку. Стена была чистая.

— Кто входил после закрытия?

— Ночные мастерицы. Возчик принёс серое сукно. Потом солдат забрал плащи.

— Один?

— С писцом. Писец сверял число.

Дарья записала каждое слово и имена. Егор осмотрел пол. Под полкой лежала белая крошка, а рядом отпечаток узкого каблука с треугольной набойкой. У солдат были широкие сапоги. Такой каблук он видел на обуви военных писцов у ратуши.

Ина позвала из заднего двора. За дровяным навесом в

кладке оказался свежий шов. Два кирпича вынули и поставили обратно без раствора. За ними тянулся тонкий медный жгут.

— Не трогать, — сказал Егор.

— Если оставить, они снова заберут воздух, — возразил Кир.

— Сначала покажем свидетелям, потом снимем. Иначе Крой скажет, что мы сами положили.

Дарья привела хозяйку и булочника. Ина вынула кирпичи деревянным крюком. Жгут уходил вниз, в старый сток, который вёл к казармам и к береговому ходу. На меди ещё блестел жир от рук.

Март вернулся от помпы, вытирая лоб.

— Воздух внутри уже держит огонь. Маленький, но не гаснет.

Егор зажёг лучину у задней двери. Пламя наклонилось к окну. Потом он перенёс её ближе к стене. Лучина продолжала гореть.

— Сейчас безопаснее. Корн, внутрь можно только по двое и ненадолго. Окна не закрывать до ночи.

— Ты уверен, что это не яд?

— Уверен только в том, что воздуха стало меньше и после проветривания людям лучше. Яд мог быть вместе с этим. Сохрани воду, еду, масло из ламп и золу из жаровни. Но метка и жгут объясняют, почему погас огонь.

Егор не хотел превращать догадку в красивую уверен-

ность. В его прежней жизни после аварии всегда находился человек, которому причина была ясна ещё до анализов. Потом выяснялось, что ясность стоила потерянного часа. Здесь анализов не было, но можно было хотя бы не уничтожать следы и не лечить всех от выдуманного яда.

К полудню все тринадцать дышали сами. Двое оставались без сознания, однако Корн сказал, что пульс у них ровнее. Людей перенесли под навес, потому что по улице пошёл мелкий дождь. Соседи принесли шерстяные одеяла. Никто не решался закрыть окна швейного дома.

Тогда со стороны казарм пришёл десятник Веслав с шестью солдатами.

— Полководец велел прекратить сборище, — объявил он. — В городе диверсанты травят работников военного заказа. Дом опечатать, воду и припасы передать дознанию.

Дарья встала перед столом, на котором лежали кувшин и лампа.

— Улики уже перечислены при свидетелях. Можешь поставить своего человека рядом. Унести их без городской записи не позволю.

Веслав посмотрел на пострадавших.

— Тринадцать человек отравлены, а ты мешаешь дознанию.

— Тринадцать человек потеряли сознание в доме, который был заново привязан к дыхательному камню. Медный жгут найден в стене. Ваш писец был здесь ночью.

— Любой мог надеть узкие сапоги.

— Поэтому мы не называем писца виновным. Мы зовём его свидетелем.

— Камни запрещены приказом самого полководца до конца опыта чужака.

Егор подошёл ближе.

— В каком подземном ходе сегодня стало сухо?

Веслав повернулся к нему.

— Ни в каком.

— Тогда покажи береговые посты. Вода должна стоять на прежней отметке.

— Ты не распоряжаешься войском.

— Я спросил не как командир. Если камень забрал воздух отсюда, где-то он вытеснил воду. След останется на стене.

Веслав приказал солдатам поднять кувшин и лампу. Рата шагнула к ним с топором. Егор перехватил её запястье.

— Не здесь.

— Они унесут всё.

— Пусть Дарья запишет, кто и что взял. Не давай им драку рядом с лежащими.

Дарья громко называла предметы, имена солдат и время. Когда один солдат потянулся к медному жгуту, Ина накрыла его доской.

— Этот останется в стене, пока не придут каменщик и два выборных свидетеля.

Веслав мог приказать оттолкнуть её. Вместо этого он ве-

лел поставить караул у навеса и ушёл с изъятymi вещами. Егор заметил, что десятник ни разу не спросил, выживут ли пострадавшие.

— Он потянет время, — сказал Кир. — К вечеру от жгута ничего не останется.

Дарья посмотрела на казармы. Их ворота были видны в конце прямой улицы.

— Значит, не дадим им закрыть ворота и забыть.

Она попросила тех, кто мог говорить, рассказать всё по порядку. Не «нас отравили», не «Крой хотел убить», а что каждый видел собственными глазами. Хозяйка вспомнила писца у полки. Молодой подмастерье первым почувствовал слабость и решил, что не завтракал. Женщина у окна увидела, как обе лампы стали коптить. Булочник рассказал, как Дарья запретила ему входить. Март назвал число людей на помпе и время, за которое комната снова стала держать огонь. Корн перечислил признаки и отдельно сказал, чего не было: судорог, сильной рвоты, ожогов во рту.

Дарья записывала на отдельных дощечках. Потом раздала их свидетелям.

— Читать умеют не все, — сказал Кир.

— Они не обязаны читать. Каждый держит свою дощечку, а я произнесу его слова. Если сокру — он остановит меня.

— Где?

— Перед казармой.

Егор посмотрел на две неподвижные фигуры под навесом.

— Корн должен остаться с ними. И помпа здесь нужна, пока в доме работают.

— Останутся и люди, и помпа. Я не поведу лежащих доказывать, что они лежат.

К казармам пошли девять свидетелей. Остальные соседи присоединились сами. Дарья не звала толпу, но к медной трубе люди прислушивались даже во время осады. У ворот караул скрестил копьё.

— Разойтись, — сказал старший. — Военный двор закрыт.

Дарья остановилась в десяти шагах от него.

— Мы не входим. Мы оглашаем свидетельства на городской улице.

Она подняла первую дощечку.

— Свидетельница Лада Вяж, хозяйка швейного дома. Ночью в дом входили возчик с серым сукном, солдат за плащами и писец, сверявший число изделий. Полку у западной стены снимали вчера: мелового круга за ней не было. Сегодня после происшествия круг найден.

Из-за ворот донёсся стук молотков. Никто не вышел.

Дарья прочла показание женщины у окна. Потом булочника. После каждого спрашивала:

— Так ли записано?

И свидетель отвечал:

— Так.

К четвёртой дощечке на улице собралось больше сотни

человек. Они не кричали. От этого солдаты у ворот нервничали сильнее: крик можно было назвать беспорядком, а люди просто слушали имена и точные действия.

Когда Дарья дошла до записи Марта, ворота открылись. Вышел Крой в тёмном плаще, без шлема. За ним стояли Веслав и трое писцов. У одного на сапогах были узкие каблуки с треугольными набойками. Он держался в глубине, но хозяйка швейного дома подняла руку.

— Этот приходил.

Толпа загудела.

Крой вскинул ладонь.

— Писец Мирон исполнял обычную проверку заказа. Если вы обвиняете его в покушении, представьте доказательство суду после снятия осады.

— Мы представляем свидетельство сейчас, — ответила Дарья. — Обвинение будет тогда, когда выясним, кто нанёс метку и кто открыл камень.

— Камень не открывали.

Егор выступил вперёд.

— Покажите уровень воды в вашем ходе.

— Ты уже получил три дня для своего опыта.

— И один из этих дней кто-то использовал, чтобы осушить часть хода. В швейном доме исчез воздух. Медный жгут ведёт к старому стоку у казарм. Если камень не открывали, вода нигде не отступила. Покажите — и я скажу это всем.

Крой посмотрел на него почти с любопытством.

— Ты всё ещё думаешь, что дело можно свести к уровню воды и числу вдохов. Город осаждён. Сегодня разведчики нашли слабое место под восточной стеной врага. На несколько минут потребовался сухой участок. Благодаря этому завтра мы можем сорвать их приступ.

На улице стало тихо.

Дарья опустила дощечку.

— Значит, камень открывали.

— На короткое время и под наблюдением. Никто не погиб.

— Потому что окно разбили раньше, чем ваши люди закончили разведку, — сказал Егор.

— Возможно. А возможно, вашим спасением вы подтвердили, что потери управляемы.

Рата шагнула вперёд. Егор снова оказался рядом, но на этот раз не стал хватать её за руку. Только сказал тихо:

— Если ударишь, он перестанет отвечать.

Она остановилась.

Дарья подняла дощечку Корна.

— Тринадцать человек потеряли сознание. Двое до сих пор не очнулись. Это не управляемая потеря. Это люди, которых вы не предупредили и заперли рядом с работой.

— Дверь запирали они сами от сквозняка.

— Метку прятали ваши люди.

— Это предстоит доказать.

— Докажем. Но сейчас речь не только о том, кто держал мел. Вы признали запуск после запрета схода.

Крой перевёл взгляд с Дарьи на лица за ней.

— Сход распоряжается рынком, мостами и городскими караулами. Война остаётся делом княжеского войска.

— Воздух в наших домах не стал вашим военным припасом.

— Если завтра враг войдёт через восточную стену, вы спросите, почему я не использовал возможность его остановить.

Дарья повернулась к людям, а не к полководцу.

— Запомните его слова точно. Он не отрицает цену. Он считает, что вправе назначить её один.

Она прочла оставшиеся свидетельства. Крой не перебивал. Писец Мирон постепенно отступил за створку ворот, но хозяйка следила за ним, пока он не исчез.

После последней дощечки Дарья объявила:

— Сегодня на вечернем сходе будут три вопроса. Кто имел доступ к метке. Где отступила вода. Кто отдал приказ открыть камень после городского запрета. До ответов швейный дом охраняют жители, а найденный жгут остаётся на месте.

— Вечером может начаться приступ, — сказал Крой.

— Тогда сход состоится под стеной.

Ворота закрылись.

Люди ещё стояли, будто ждали удара трубы или нового

приказа. Дарья не стала произносить речь. Она собрала дощечки и повела свидетелей обратно. Точная запись сделала больше, чем крик: теперь признание Кроя слышала вся улица.

У швейного дома Корн встретил их усталой улыбкой.

— Обе очнулись. Голова болит, одну тошнит, но узнают людей.

Рата села прямо на ступеньку и закрыла лицо ладонями. Хозяйка прошла под навес, опустилась на колени возле своих мастериц и принялась называть каждую по имени.

Егор вернулся к стене. Каменщик при двух выборных вынул кирпичи. Медный жгут осторожно достали из стока, измеряя длину локтями. Он тянулся до решётки у казарменно-го двора, где был свежо перерезан. Дальше след уходил под охраняемую землю.

— Доказательство оборвалось у ворот, — сказал Кир.

— Нет, — ответил Егор. — Оно дошло до ворот. Это не одно и то же.

Он велел смыть метку только после того, как её перерисовали трое свидетелей. Ина соскребла верхний слой мела в глиняный горшок и закрыла крышкой. Потом стену мыли до тех пор, пока вода не перестала белеть.

— Они нарисуют снова, — сказала она.

— Тогда метки придётся искать перед каждой сменой и после каждого чужого входа.

— Во всех девяти домах?

— Во всех. И держать окна так, чтобы их можно было открыть снаружи.

Ина посмотрела на дождь.

— Ночью люди замёрзнут.

— Сделаем съёмные упоры. Закрыто от холода, но один удар с улицы выбивает створку. И по человеку с трубой на квартал.

Это не было победой. Победа не требовала бы дежурить возле собственного воздуха. Город получил новую работу: осматривать стены, считать людей, держать топоры у окон, слушать чужие шаги в подвалах. Крой потратил камень на короткую разведку и заодно показал, что запрет схода для него ничего не значит.

К вечеру Егор спустился к береговому ходу. Военные уже не пускали его внутрь, но на наружной стене шлюза осталась мокрая полоса ниже прежней отметки на две ладони. Вода успела подняться обратно, оставив на камне свежий край и прилипшие клочки тины.

Дарья приложила к полосе дощечку и сделала насечку.

— Этого хватит?

— Хватит доказать, что участок осушали. Не хватит понять, куда они дошли.

Из-за решётки доносились голоса и скрип тележки. Военные что-то вывозили из хода до вечернего схода.

Егор коснулся мокрого камня. В его прежней работе нехватка начиналась не тогда, когда кончался воздух. Она

начиналась раньше: когда кто-то решал убрать запасной баллон, сократить страхующую смену, не останавливать работу после первого сигнала. Видимая авария была последней строкой длинного решения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.